

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.Ю. Урнов

**РОССИЯ: ВИРТУАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Препринт WP14/2014/03
Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2014

УДК 321.01
ББК 66.0
У70

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

У70 **Урнов, М. Ю.** Россия: виртуальные и реальные политические перспективы [Текст] : принт WP14/2014/03 / М. Ю. Урнов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 52 с. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ»). – 50 экз.

В российских политических, аналитических и научных публикациях и выступлениях будущее страны описывается, по преимуществу, в рамках великодержавной парадигмы, т.е. с использованием альтернатив – великая держава versus катастрофа (порой вселенская), великая держава versus failed state, великая держава versus что-то неопределенное (то, о чем не стоит сейчас говорить), или безальтернативного взгляда, сконцентрированного на одной позиции – великая/ведущая держава. Между тем эта парадигма выводит обсуждение перспектив России в сугубо виртуальный мир. Анализ ресурсного потенциала страны свидетельствует о том, что в течение ближайших десятилетий Россия, скорее всего, утратит статус великой державы. Так что реальная альтернатива политического будущего страны значительно прозаичнее и значительно трагичнее, чем «Великая держава versus вселенская катастрофа». Эта альтернатива состоит в выборе между: (наилучший вариант) положением региональной державы, достаточно комфортной для жизни своих граждан и сохраняющейся в нынешних границах, и (наихудший вариант) деградацией и распадом страны. При этом достижение наилучшего варианта или даже приближение к нему – дело очень трудное и требующее решения целого комплекса сложнейших задач, включая прохождение через глубокую и болезненную революцию сознания – отказ от мифологии собственного величия и освоение рационального, критического взгляда на свои возможности. Несмотря на тяжесть выбора между «тьмой горьких истин» реальности и «нас возвышающим обманом» политической мифологии, предпочтение «горьких истин» представляется единственным средством предотвращения наихудшего варианта развития событий.

УДК 321.01
ББК 66.0

Ключевые слова: Россия, великая держава, ресурсы, жесткая сила, мягкая сила

Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

Урнов Марк Юрьевич – профессор, зав. кафедрой политического поведения, научный руководитель факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Урнов М. Ю., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

Сударыня, я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната...

Ф. Достоевский. Бесы

Жил один рыжий человек, у которого не было волос, так что рыжим его называли условно.

Д. Хармс. Голубая тетрадь № 10

Для оценки статуса той или иной страны в мировой системе современная политическая наука и практика применяют шкалу со следующими позициями: «великая держава/ведущая держава (major power)», «средняя/региональная держава», «малая держава» и «страна с неопределённым статусом/формирующаяся страна (emerging state)» [Thies, 2001, p. 708–709, 2012, p. 33–34]. Иногда среди великих держав выделяются «сверхдержавы» [Organski, Kugler, 1980], иногда предлагается различать «частичных» и «полных» членов клуба великих держав: первые не вполне соответствуют данному статусу (приобретают или теряют его), вторые полностью соответствуют представлениям о великой державе [Volgy et al., 2010].

Набор оценок, наиболее часто встречающихся в российских политических, аналитических и научных публикациях и выступлениях, посвященных нынешнему и будущему положению нашей страны, иной. Условно его можно было бы назвать принадлежащим великодержавной парадигме. Позициями, общими с «международной» шкалой, в российском наборе являются «великая держава» (иногда заменяемая более скромным, но синонимичным словосочетанием «одна из ведущих держав») и, в какой-то мере, «failed state» – некоторый аналог «emerging state», применяемый при описании России, не состоявшейся в качестве великой державы). Другие оценки, альтернативные состоянию «великой державы», лежат за пределами «международной» шкалы и представлены либо туманными образами и понятиями с ярко выраженной негативной эмоциональной окраской (катастрофа/трагедия – глобальная/региональная/национальная), либо разнообразными фигурами умолчания (указывающими на нечто такое, о чем не следует говорить). Но что вовсе отсутствует в российском наборе оценок – это позиции «средняя/региональная держава» и «малая держава».

В наиболее драматической, а точнее трагической, форме альтернатива будущего России сформулирована классическими «великодержавниками» – А. Дугиным и А. Прохановым: величие versus катастрофа.

По словам А. Дугина, «если Россия не будет великой, ее не будет вообще. Величие – наша великоросская сущность. /.../ Без России мировая история немыслима. Тогда пусть кончается мир» [Дугин, 2001].

А. Проханов утверждает, что «Россия может выжить, лишь построив собственную империю. Альтернатива этому – катастрофа» [Проханов, 2008].

В рассуждениях не склонного к идеологическому трагизму Д. Тренина альтернатива великой державе описывается в значительно менее эсхатологических терминах.

Д. Тренин обращает внимание на возможность увеличения отставания России, следствием чего может стать распад страны, превращение ее «в failed state середины XXI в.» [Тренин, 2006, с. 211, 356].

Фигуры умолчания чаще всего встречаются в работах исследователей, которые, как и Д. Тренин, не вполне уверены, что в обозримой перспективе Россия сможет приобрести статус великой державы.

Так, например, автор одной из интереснейших книг о российской национальной идентичности С. Картунов заменял тезис о невозможности достижения Россией статуса великой державы тезисом о возможности этого, но в принципиально иных – мало реальных – условиях устройства мира и страны.

Согласно С. Картунову, Россия сможет стать великой державой, если только окажется в состоянии сыграть «роль одного из мировых лидеров человечества /.../ в духовной сфере» – путем «укрепления и развития своей уникальной национальной культуры, которая станет незаменимой частью» формирующейся в мире «постэкономической» культуры [Картунов, 2009, с. 552–554, 559].

Примерно в той же стилистике рассматривали перспективы российской великодержавности специалисты Института современного развития (ИНСОР).

В докладе ИНСОРа, названном «Россия: образ желаемого завтра» и посвященном условиям превращения России в великую державу XXI в., по поводу реалистичности достижения этого состояния говорится, что «для подлинно инновационного развития (а по большому счету, и для обеспечения самого инновационного старта) уже нужна другая страна – с другой системой ценностей и отношений, с другой политикой и социальной средой, с другой системой управления, с другим настроением в бизнесе» [ИНСОР, 2010, с. 20].

В. Иноземцев, обозначив проблематичность достижения Россией статуса великой державы, предпочитает заменить анализ этого вопроса обсуждением конфликта между политикой великодержавности и политикой модернизации страны и отмечает возможность ее «медленного упадка».

По мнению В. Иноземцева, политика, ориентированная на создание «великой России», препятствует модернизации, так как отвергает для России «игру на вторых ролях» в отношениях со странами-лидерами. Между тем «модернизирующая нация никак не может вести диалог с развитой страной на равных, независимо от того, сколько у нее имеется нефти и газа». Результатом такой политики может стать «медленный упадок по мере исчерпания природных ресурсов или сокращения глобального спроса на них...» [Иноземцев, 2009, с. 50, 77].

Наряду со взглядами, явно включающими или неявно предполагающими катастрофические или не вполне рационально определяемые, но очевидно негативные альтернативы российской великодержавности, в политической и интеллектуальной элите страны встречаются – и при этом куда чаще – безальтернативные воззрения, которые держат в фокусе только одну позицию – великая/ведущая держава.

Иногда инструментом «точечной» концентрации внимания является нормативный модус описания будущего страны, не допускающий каких бы то ни было альтернатив.

«Мы должны дать клятву: идеалы социализма, справедливости, народовластия, за которые сражались Ленин и Сталин, мы обязательно возродим. Тогда Россия вновь станет великой и социалистической!» [Зюганов, 2009].

«... И врагу не сломить нашу волю. Мы от бездны Россию спасём! *Привет:* ЛДПР – могущество и сила! Наш закаленный дух непобедим. ЛДПР! Великая Россия, Мы никому тебя не отдадим!» [Жириновский, 2010].

«Мы утверждаем, что XXI век будет веком России. /.../ Через 15 лет, к 2017 году Россия будет ведущей мировой державой. /.../ весь мир будет с восхищением наблюдать развитие проснувшегося российского медведя» [ЕР, 2003].

«Россия должна стать /.../ империей свободы» [Касьянов, 2006].

В других случаях такая концентрация внимания обеспечивается уверенностью в том, что статус великой державы для России является утраченным/уже достигнутым или вполне достижимым, хотя и требующим очень серьезных усилий.

Самая оптимистичная точка зрения принадлежит, по-видимому, А. Кокошину, который писал, что Россия «при всех очевидных слабостях своего совре-

менного положения /.../ и по своим объективным показателям, и по реальным действиям в мировой политике *является великой державой* [курсив мой. – М. У.]», добавляя, что для сохранения и закрепления этого статуса стране необходимо решить проблему «увеличения продолжительности жизни» и «создать современную экономику, основанную на использовании и развитии “человеческого капитала”» [Кокошин, 2002, с. 62–64].

С. Рогов говорит о необходимости достижения Россией статуса сверхдержавы в сфере науки. Сделанный им на заседании Президиума РАН (16 марта 2010 г.) доклад называется «Россия должна стать научной сверхдержавой. Невостребованность науки как угроза национальной безопасности». Фиксируя серьезное отставание нынешнего российского научного потенциала от научного потенциала развитых стран, Рогов предлагает для преодоления этой ситуации увеличить к 2050 г. долю расходов на НИОКР до 4–5% ВВП, т.е. до уровня, превышающего нынешние масштабы таких расходов в ведущих экономиках мира [Рогов, 2010].

По словам А. Чубайса, «Россия /.../ может и должна всемерно наращивать и укреплять свои лидирующие позиции в [странах СНГ] в следующие 50 лет. /.../ Целью Российского государства должно стать построение либеральной империи» [Чубайс, 2003].

М. Прохоров полагает, что «Россия вполне реально может превратиться в европейского экономического лидера, взяв некогда “единую” Европу фактически голыми руками» [Прохоров, 2013].

В Манифесте Народного фронта для России утверждается, что «великой стране нужны великие цели» и предлагается «вернуть Россию в ряды лидеров мировой науки и образования», а также «реализовать историческую миссию России как интеграционного центра евразийского пространства» [НФР, 2013].

Наиболее осторожные высказывания в группе «точечного» внимания содержатся в официальных документах российской федеральной власти¹. Начиная с 2006 г. в этих документах термин «великая держава» не употребляется. Вместо него для оценки будущего положения России в мире используются менее обязывающие характеристики: «ведущая мировая держава XXI в.»; страна, которая «занимает передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивает нацио-

¹ Под официальными документами российской федеральной власти здесь имеются в виду опубликованные в 1997–2013 гг.: Концепции внешней политики РФ, Концепция национальной безопасности РФ, Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., Военная доктрина РФ, Государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», а также выступления и статьи В. Путина и Д. Медведева.

нальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан», входит «в пятерку стран – лидеров по объему валового внутреннего продукта» [КДСЭР 2020, разд. I, V], является «одной из лидирующих держав по уровню технического прогресса, качеству жизни населения, влиянию на мировые процессы» [СНБ 2020, разд. I] и т.п.

Причины, подтолкнувшие российскую власть отказаться от использования применительно к России термина «великая держава», во многом кроются в многочисленных ресурсных проблемах страны. Позволю себе привести здесь краткий перечень проблем, упоминаемых в официальных документах, сгруппировав их по принадлежности к ресурсам жесткой и мягкой силы².

Проблемы ресурсного потенциала жесткой силы

Людские ресурсы. Перспектива значительного сокращения численности населения трудоспособного возраста и увеличения групп старшего возраста [СНБ 2020, разд. IV; Путин, 2012e, 2012f].

Вооруженные Силы. Несоответствие «ресурсного обеспечения Вооруженных Сил и других войск задачам их строительства, развития и применения» [ВД 2010, разд. II], значительное отставание ОПК от наиболее развитых стран по уровню технологий и размерам инвестиций [КНБ 2000, разд. III].

Сырьевые ресурсы. «Наращение стратегического риска исчерпания запасов важнейших минерально-сырьевых ресурсов страны» [СНБ 2020, разд. IV].

Экономика. «Экспортно-сырьевая модель [КНБ 2000, разд. IV], не обеспечивающая развитие человеческого потенциала и необходимых темпов роста [Путин, 2012i], неразвитость транспортной, энергетической и водной инфраструктуры [КДСЭР 2020, разд. II; Путин, 2012b, 2012i].

Проблемы ресурсного потенциала мягкой силы

Качество населения. Низкая продолжительность жизни, плохое здоровье населения [СНБ 2020, разд. IV; Путин, 2012f, 2012e]; утечка умов [КНБ РФ 2000, разд. III]; дефицит квалифицированных кадров [КДСЭР 2020, разд. I; Путин, 2012f]; «неконкурентность элит» [Путин, 2012a].

Коррупция. Системная коррупция [Путин, 2012b и 2012c 2012f], борьба с которой имеет не только правовой, но и политический характер [КНБ 2000, разд. III], «результаты противодействия коррупции не соответствуют ее масштабам» [ООППП 2013].

² Используемая здесь группировка ресурсов составлена на основе [Nye, 2008, 2011], [Waltz, 1979] [Morgenthau, 1948], [The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index], [McClory, 2011].

Бизнес. Высокие риски ведения предпринимательской деятельности, низкая корпоративная культура; слабая самоорганизация и саморегулирование бизнеса, низкий уровень конкуренции на ряде рынков [КДСЭР 2020, разд. II; Путин, 2012с], большинство интегрированных структур не являются «ни глобально конкурентоспособными, ни высококапитализированными, ни даже устойчиво прибыльными» [Путин, 2012с].

Инновации. Низкая инновационная активность, отставание развития передовых технологий, производства наукоемкой продукции и продукции высокой степени переработки [КНБ 2000, разд. III; СНБ 2020, разд. IV; КДСЭР 2020, Путин, 2012с], недостаточная координация образования, науки и бизнеса [КДСЭР 2020, разд. II].

Социальное и региональное неравенство. Глубокое социальное расслоение общества [КНБ 2000, разд. III; Путин, 2012е], высокий уровень региональной дифференциации [КДСЭР 2020, разд. II].

Качество образования. Устарелые программы и методы работы средней школы, школа перестает выполнять функцию социального лифта, начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию [Путин, 2012е]; неконкурентоспособность высшей школы [Путин, 2012с], низкий престиж и качество высшего образования [Путин, 2012е].

Качество государственного управления. Низкая эффективность государственного управления, низкий уровень доверия государству [КДСЭР 2020, разд. II; Путин, 2012i], «карательный уклон в судебной системе» [Путин, 2012d]; слабость институтов демократии, на полноценное становление которых требуется несколько десятилетий [Медведев, 2013].

Иностранные инвестиции. «Мы проигрываем странам-конкурентам по инвестиционной привлекательности. Мы имеем значительный отток капитала из России. /.../ Деловой климат в стране, ее привлекательность для долгосрочного помещения капиталов все еще являются неудовлетворительными» [Путин, 2012с].

Экология. Ухудшение экологической ситуации в стране [КНБ 2000, разд. III] [Медведев, 2008а; Путин, 2011]; неразвитость экологического законодательства [КНБ 2000, Раздел III; Медведев, 2008а].

Набор официально признаваемых проблем ресурсного потенциала, говоря политкорректно, вселяет некоторые сомнения в возможностях страны стать в обозримой перспективе одной из ведущих мировых держав.

Ниже излагаются факты, подкрепляющие эти сомнения. Но прежде чем перейти к их рассмотрению, сделаю ряд уточнений относительно

используемых в работе ключевых понятий, эмпирических данных и отобранных для анализа проблем ресурсного потенциала России.

Положение «ведущей мировой державой XXI в.» будет здесь пониматься как положение страны, имеющей возможность устойчиво и направленно влиять на набор ключевых характеристик мировой системы в области безопасности, политики, экономики, культуры, экологии и т.д.

Говоря о ресурсном потенциале страны, следует иметь в виду, что те или иные ресурсы *per se* автоматически ресурсным потенциалом не становятся. Представление о потенциале возникает как результат сопоставления данного ресурса с соответствующим ресурсом других стран по заданному критерию сопоставления. В нашем случае таким критерием является возможность обеспечить стране положение ведущей мировой державы (положение члена клуба *major powers*).

Требование сопоставимости данных при анализе потенциала страны определило выбор источников фактической информации. Приоритет был отдан международным базам данных: статистике ООН, ОЭСР, Всемирного банка; социологическим ресурсам *European Social Survey (ESS)* и *World Values Survey (WVS)*. Российские источники по большей части играли вспомогательную роль.

Наконец, несколько слов о рассматриваемых проблемах ресурсного потенциала России. Из множества существующих проблем мной были выбраны лишь шесть, показавшихся наиболее острыми. Эти проблемы удовлетворяют одновременно двум требованиям: (1) их наличие решающим образом снижает возможности страны обеспечить себе ведущее положение в мировой системе, и (2) они не имеют позитивных решений в перспективе до середины нынешнего века (более отдаленная временная перспектива представляется мне избыточно туманной и потому мало пригодной для прогнозирования).

Набор исследуемых проблем включает:

- *Проблемы потенциала жесткой силы* – сокращение численности населения страны, снижение военного потенциала и ослабление политической значимости обладания энергетическими ресурсами.
- *Проблемы ресурсного потенциала мягкой силы* – плохое здоровье населения, низкое качество политической элиты и низкая эффективность экономики.

Проблемы потенциала жесткой силы

Сокращение численности населения

В официальных документах российской федеральной власти главной демографической проблемой – судя по частоте упоминаний – считается перспектива значительного сокращения численности населения трудоспособного возраста и увеличения групп старшего возраста [СНБ 2020, разд. IV; Путин, 2012е, 2012f], или, другими словами, рост демографической нагрузки из-за старения населения. Этот процесс, и в самом деле, нельзя отнести к позитивным обстоятельствам. Однако следует иметь в виду, что, согласно прогнозам ООН, в ближайшие десятилетия положение в России в этом отношении будет складываться лучше, чем в США, Западной Европе и Китае. Так, если в 2010 г. коэффициенты демографической нагрузки (для возрастной когорты от 65 лет и старше) равнялись: в России – 18%, в Китае – 11%, в США – 19% и в Западной Европе – 28%, то в 2050 г. соответствующие показатели будут равны 24, 39, 36 и 50% [UN WPP].

Что касается перспективы уменьшения общей численности населения, то, как ни странно, об этой проблеме ни в одном из опубликованных на сегодняшний день официальных документов, так или иначе затрагивающих проблему человеческих ресурсов страны, не говорится ни слова. Между тем, согласно большинству серьезных демографических прогнозов, население России в ближайшие 40 лет будет сокращаться (табл. 1).

Таблица 1. Прогнозные оценки численности населения России (млн человек)

	Низкий прогноз		Медианный прогноз			Высокий прогноз	
	ООН	Росстат	ООН	Росстат	ИДЕМ НИУ ВШЭ	ООН	Росстат
2010				143			
2025	132	137	137	143	138	142	149
2030	126	131	134	142	Н. д.	141	151
2050	103	Н. д.	121	Н. д.	131	141	Н. д.

Источники: UN WPP; Росстат ДП; Население России [2006].

Единственной из приведенных в табл. 1 прогнозных оценок, показывающих некоторый рост населения страны, является высокий прог-

ноз Росстата. Однако вероятность его реализации, мягко говоря, невелика.

Согласно Росстату, необходимыми условиями такого роста являются (1) резкое снижение естественной убыли населения (в течение 2012–2030 гг. общая величина естественного сокращения населения по этому варианту прогноза предполагается равной всего 62 тыс. человек против 7,7 млн человек по медианному прогнозу и 16,2 млн человек по низкому прогнозу) и (2) значительное увеличение притока мигрантов (8,5 млн против 6,3 млн по медианному и 4 млн по низкому прогнозу) [Росстат ДП].

Оптимизм высокого прогноза в отношении *снижения естественной убыли населения* основывается на далеких от реальности нормативных установках государственной «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.», опубликованной в 2007 г. и требовавшей к 2025 г. по сравнению с 2006 г. увеличить суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в 1,5 раза (т.е. с 1,305 до 1,95), а также снизить уровень смертности в 1,6 раза [КДП РФ 2025]. Неосуществимость такого прироста СКР обусловлена, прежде всего, отсутствием возможностей в обозримой перспективе перекрыть влияние низких репродуктивных установок россиян и неблагоприятных сдвигов в возрастной структуре населения. Репродуктивные установки относятся к устойчивым элементам повседневной культуры и существенно изменяются либо медленно (являются результатом поколенных изменений), либо под воздействием мощных социальных шоков, таких, например, как война. Между тем репродуктивные установки, преобладающие сегодня в российском обществе, расширенного производства населения обеспечить не могут. Исследования [ИС РАН, 2007, с. 136], [Росстат 2011, с. 162] и [ФОМ, 2013] демонстрируют стабильность «идеальных» оценок числа детей, желаемого российскими женщинами в возрасте до 30 лет. В среднем по стране эти оценки в упомянутых исследованиях составляли 2,2–2,3 ребенка, т.е. лишь незначительно превышали уровень, теоретически необходимый для простого воспроизводства населения (2,1 ребенок). «Реалистические» установки, отражающие учет женщинами «реальных жизненных обстоятельств», согласно ИС РАН, оказались ниже уровня, необходимого для предотвращения снижения численности населения, и в среднем по стране составили 1,8 ребенка. Долгосрочная тенденция изменений репродуктивных установок в России, скорее всего, является понижающей: в опросе ФОМ популярность мнения, что в «идеальной семье» не должно быть больше 2 детей, устойчиво нарастала с уменьшением возраста респондентов и составляла: в возрастной когорте 60 лет и старше – 50%, в когорте 60–46 лет – 55%, 45–31 год – 60%, 30–18 лет – 64% [ФОМ, 2013]. Рассчитывать, что в такой ситуации суммарный коэффициент рождаемости в ближайшие 10–15 лет будет заметно возрастать, вряд ли имеет смысл.

Неблагоприятные сдвиги в возрастной структуре населения кратко описать невозможно, а для подробного описания потребовалась бы специальная статья. К счастью, детальный анализ этой проблемы, проведенный А. Вишневым, позволяет просто сослаться на его работу и привести из нее пару коротких цитат о том, что в настоящее время в России «естественная убыль населения сопровождается невыгодными структурными изменениями» и что под влиянием структурного фактора «даже если /.../ показатель суммарной рождаемости повысится до 1,95 в 2025 г. и до 2,0 в 2030 г., годовое число рождений едва ли достигнет 1,8 млн на пике 2012–2016 гг., а затем начнет снижаться» [Вишневский, 2010, с. 12, 27].

О проблемах *снижения уровня смертности* речь пойдет в разделе, посвященном здоровью населения. Здесь же отмечу лишь, что несмотря на беспрецедентный рост затрат на здравоохранение, происходивший в России в 2000–2012 гг., соответствующего такому росту снижения уровня смертности добиться не удалось и в ближайшей перспективе, судя по всему, не удастся.

Что касается усиления притока мигрантов, то наблюдаемый сейчас в российских элитах и общественном мнении резкий и, скорее всего, устойчивый подъем антиэмигрантских настроений делает его крайне маловероятным.

Приведенные прогнозные оценки численности населения страны означают, что в 2010–2050 гг. (независимо от того, какой из прогнозов – низкий, медианный или высокий – будет реализован) Россия по этому показателю перейдет с 9-го места в мире на 14–15-е место, а доля россиян в общей численности населения мира снизится с 2 до 1,2–1,3% [UN WPP]³.

Речь идет, таким образом, об устойчивом уменьшении одного из важнейших компонентов потенциала жесткой силы страны. Проблема усугубляется не менее устойчивым снижением и без того крайне низкой плотности населения, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. По данным Росстата, в 2002–2010 гг. в среднем по стране плотность населения РФ снизилась с 8,5 до 8,4 человек на кв. км. При этом в Сибирском Федеральном округе она сократилась с 3,9 до 3,7 человек на кв. км, а в Дальневосточном – с 1,1 до 1,0 человек на кв. км. Единственным федеральным округом, где рассматриваемый показатель в этот период увеличился, был Центральный округ (с 58,4 до 59,1 человек на кв. км) [Россия 2010, с. 15–16] – ситуация, отражающая, как утверждают демографы, устойчивую тенденцию перемещения населения в европейскую часть

³ Замечу попутно, что в 1897 г. территория нынешней РФ по численности населения находилась на 3-м месте в мире, уступая лишь Китаю и Британской Индии, и что на ней проживало 5,2–5,6% человечества [Галецкий, 2003].

страны. Подробнее об этом см.: [Вишневыский, 2010]. В 2050 г., согласно прогнозам ООН, средняя по РФ плотность населения составит 7 человек на кв. км⁴. Демографическую ситуацию в азиатской части страны, и особенно на Дальнем Востоке, такая динамика плотности населения, мягко говоря, не упрощает. Если же называть вещи своими именами, то в ближайшие 40 лет наиболее вероятным демографическим сценарием в этих регионах представляется постепенная депопуляция⁵.

Для любой страны депопуляция части ее территории – процесс нежелательный. Для России депопуляция Сибири и Дальнего Востока не просто нежелательна, но крайне опасна, так как несет с собой угрозу территориальной целостности страны. Главный фактор, порождающий эту опасность, – общая граница с Китаем. На эту опасность обращает внимание целый ряд российских военных экспертов и китаеведов.

В докладе *Института политического и военного анализа* говорится о геополитической угрозе России, обусловленной соседством «экономически депрессивных Сибири и Дальнего Востока с их гигантскими природными ресурсами и небольшим, причем продолжающим сокращаться, населением, и Китая с его огромным населением и быстро развивающейся экономикой, испытывающей все более острую нехватку ресурсов». Индикаторами этой угрозы авторы доклада называют «слабо завуалированные претензии Китая на 1,5 млн кв. км российской территории на Дальнем Востоке в сочетании с концепцией «стратегических границ и жизненного пространства», по которой строятся Вооруженные Силы Китая, и нарастающим демографическим давлением китайского населения на восточные районы России» [Шаравин, 2003, с. 13].

Один лучших российских китаеведов В. Гельбрас так описывал стратегию территориальной экспансии Китая: «... В наши руки попал один из китайских планов, рассматривавшийся на политбюро ЦК КПК в качестве важной идеи. /.../ План состоял в том, чтобы через Амурскую область организовать вселение китайцев по всей территории России и таким образом, держа в своих руках товарную массу, сосредотачивая ее в своих руках в узловых пунктах Транссиба вплоть до Москвы, излучать свое влияние. Иркутск китайцам был важен тем, что одновременно связывал движение товаров и людей из Казахстана и на Алтай, с охватом Бурятии. /.../ Сейчас ясно, что есть и второй схо-

⁴ Медианный прогноз; прогнозируемый минимум равен 6, а максимум – 8 человек на кв. км. [UN WPP].

⁵ Об интенсивности депопуляции нашего Дальнего Востока в какой-то мере можно судить по следующим цифрам. В январе – сентябре 2013 г. из Приморья в другие регионы России уехало около 21 тыс. человек (на 15% больше, чем в 2012 г.). Между тем по программе переселения за последние 7 лет в Приморье приехали только 3,5 тыс. соотечественников [Никольская, 2014, с. 15].

жий план о внедрении через Хэйхэ – на Благовещенск и Сюйфэнхэ – в Амурскую область и дальше. Хэйхэ и Сюйфэнхэ – это крупные населенные пункты. План предполагает потоки и мигрантов, и товаров». «Китай добивается скорейшего превращения ШОС в единое интегрированное экономическое пространство. Для Китая ШОС – один из методов экономического отвоевания тех пространств, которые, как Китай считает, ему принадлежали и раньше. То есть все вплоть до Балхаша. /.../ Утвердиться на Дальнем Востоке – во всем Приморском крае, на Сахалине: китайцы считают это своей территорией. А также и Казахстан, и Киргизию» [Гельбрас, 2005].

Некоторое представление о демографическом потенциале экспансии Китая на российскую территорию дают прогнозные оценки динамики численности и плотности населения этой страны. Согласно экспертам ООН, в 2050 г. количество населения Китая по медианному прогнозу составит 1,39 млрд человек против 1,36 млрд человек в 2010 г. и превысит население России в 11,5 раз против 9,5 раз в настоящее время; плотность населения Китая в середине нынешнего века составит 144 человека на кв. км по сравнению с 142 чел. на кв. км в 2010, т.е. будет выше плотности населения России в 21 раз против 17 раз в 2010 г. Ситуация в приграничных районах выглядит так: в китайской провинции Хейлундзянь, непосредственно граничащей с Россией, сейчас проживает около 38 млн человек⁶ против 4,3 млн россиян, живущих на территориях Дальневосточного ФО России, непосредственно граничащих с Китаем (Амурская обл., Еврейская АО, Приморский край и Хабаровский край). Плотность населения в провинции Хейлундзянь составляет 89 человек на кв. км по сравнению с 11,9 чел. на кв. км в Приморском крае и 2,1 чел. на кв. км в среднем по Амурской обл., Еврейской АО и Хабаровскому краю. Президент Института стратегических оценок А.А. Коновалов однажды назвал положение, сложившееся на российско-китайской границе, «ситуацией котла, разделенного мембраной»: «В одной половине котла откачивается вакуум, а в другой накачивается давление. Как это прорвет и когда? Зависит от качества мембраны, но прорвет совершенно очевидно» [Коновалов, 2004, с. 11]. Со своей стороны, полагаю, что при существующих темпах сокращения численности коренного населения России и роста на нашем Дальнем Востоке китайской диаспоры, а также при нынешних темпах укрепления китайской экономики и военной машины, обострение российско-китайских отношений по территориальным вопросам вполне вероятно в ближайшие 15 лет. Такая перспектива накла-

⁶ Данные на 2004 г. [Википедия, статья «Хейлундзянь»].

дывает серьезные обременения на все остальные ключевые компоненты ресурсного потенциала России и, прежде всего, на наш военный потенциал. Перейдем теперь к его рассмотрению.

Снижение военного потенциала

Говорить о снижении военного потенциала России правомерно лишь относительно установки на обретение нашей страной позиции одной из ведущих мировых держав. С точки зрения защищенности страны от масштабной военной агрессии сколько-нибудь серьезных проблем у России в настоящее время и в перспективе не просматривается. Россия обладает и в ближайшие десятилетия будет обладать одним из самых мощных ядерных потенциалов мира, что минимизирует для нее угрозу широкомасштабной агрессии извне. Вместе с тем ядерный щит не является ни необходимым, ни, тем более, достаточным условием полноценного членства страны в «высшей лиге» мирового сообщества. Не является он и средством эффективной защиты от агрессии со стороны международных сетевых террористических структур. В современных условиях ядерное оружие представляет собой инструмент не экспансии (политической, экономической, идеологической или моральной), а сдерживания; не изменений, а сохранения status quo. Причем инструмент этот со всей очевидностью относится не к средствам «повседневного» использования, а к средствам, которые в прямом смысле являются воплощением формулы ultima ratio regum.

Что касается остальных параметров нашего военного потенциала, то здесь проблема несоответствия ресурсов и политических предпочтений оказывается весьма серьезной. Речь идет, в первую очередь, о нарастающем технологическом разрыве между Россией и ведущими странами мира. В 2012 г. В. Путин говорил, что «очень многие предприятия [ОПК] еще технологически в прошлом веке находятся», что «за последние 30 лет по ряду причин – и прежде всего из-за хронического недофинансирования – отечественный ОПК пропустил несколько циклов модернизации» и что необходимо «наверстывать упущенное» [Путин, 2012г]. Вопрос, разумеется, состоит не просто в технологическом отставании производственных мощностей ОПК, а в том, что на технологически отсталом оборудовании крайне затруднительно производить высокотехнологическое вооружение.

Отсутствие специальных знаний и соответствующей информации лишает меня возможности сравнивать технологические характеристики во-

енных потенциалов России и других стран. Остановлюсь поэтому лишь на сопоставлении оборонных расходов России и других держав, т.е. на показателе, демонстрирующем не столько нынешнее соотношение военных потенциалов, сколько долгосрочные тенденции его изменения. Но прежде чем перейти к сравнению количественных данных, имея в виду сугубую деликатность обсуждаемой темы, позволю себе еще раз процитировать В. Путина о том, что «вложения в оборону [наиболее развитых стран], просто несопоставимы даже с тем, что мы делаем, – в десятки раз больше» и что эти страны «направляют многомиллиардные средства на разработку оборонительных и наступательных систем следующих поколений» [Путин, 2008].

Теперь перейдем к цифрам. По оценкам одного из самых авторитетных в мире исследовательских центров проблем безопасности Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), в 2012 г. военные расходы России составили 90,7 млрд долл., т.е. были в 1,8 раза ниже военных расходов КНР (166 млрд долл.), в 2,6 раза ниже суммарных военных расходов 8 крупнейших стран – членов НАТО за исключением США (222 млрд долл.)⁷ и в 7,5 раза ниже, чем расходов США (682 млрд долл.). При этом доля военных расходов в ВВП у России и США была самой высокой в мире и равнялась 4,4%, тогда как у всех остальных перечисленных стран находилась в пределах 1,3–2,5% (в Китае – 2%) [SIPRI, 2013]. Правда, согласно официальным российским данным, удельный вес расходов на оборону в ВВП страны был и будет ниже: в 2012 и 2013 г. он составлял 3,1%, а к 2016 г. должен возрасти до 3,9% [Чернявский, 2012; ОНБП 2014]. Однако это общей картины не меняет. И в том, и в другом случае Россия по удельному весу оборонных расходов в ВВП заметно опережает европейские страны НАТО и Китай, т.е. так или иначе находится у опасной черты, за которой эти расходы начинают обескровливать гражданскую экономику. Принимая во внимание низкие прогнозные темпы роста экономики России в среднесрочной перспективе⁸, рассчитывать, что наши расходы на оборону в обозримом будущем в абсолютном выражении смогут сравняться хотя бы с Китаем, невозможно. Каким образом тогда можно обеспечить технологический паритет в военной области с крупнейшими мировыми центрами силы, неясно. Вероятность того, что в борьбе за такой паритет Россия пойдет на милитари-

⁷ Великобритания – 60,8 млрд долл., Франция – 58,9 млрд долл., Германия – 45,8 млрд долл., Италия – 34,0 млрд долл., Канада – 22,5 млрд долл., Турция – 18,2 млрд долл.

⁸ См. [НЭП, 2013а, б].

зацию экономики, невысока. А если и пойдет, то это обернется разрушением экономики, как уже было в СССР – только значительно быстрее. Это означает, что при любом развитии событий в ближайшие несколько десятилетий конкурентоспособность Вооруженных Сил России по сравнению с другими центрами мировой политической системы с высокой вероятностью будет снижаться. Соответственно, будет снижаться и военно-политическое влияние страны в мире.

Из сказанного никоим образом не следует ненужность модернизации и совершенствования наших Вооруженных Сил. Описанная выше проблема российско-китайского соседства и неописанная, но существующая и постоянно обостряющаяся проблема соседства России со странами – источниками радикального исламизма, диктуют необходимость иметь Вооруженные Силы, обеспечивающие национальную безопасность. Однако обеспечение безопасности страны и обеспечение стране места среди ведущих военных держав мира – цели принципиально разные. Первая вполне достижима. Вторая, судя по всему, иллюзорна. Первая дает возможность найти более или менее адекватное соотношение между военными и гражданскими расходами государства. Вторая такую возможность исключает, позволяя разного рода группам интересов эксплуатировать иллюзию будущего военного величия для перераспределения в свою пользу бюджетных средств. Одним из самых популярных способов легитимации такого перераспределения является незатейливая формула: «Если мы являемся/хотим быть великой державой, то средства должны направляться в ...». Вряд ли стоит специально доказывать, что осуществляемое подобным образом распределение ресурсов далеко от оптимального.

Ослабление политической значимости обладания энергетическими ресурсами

С момента образования ОПЕК в 1973 г. обладание уникальными по масштабам запасами углеводородного сырья давало России несомненные конкурентные преимущества, обеспечивая не только огромные доходы от экспорта, но и мощное внешнеполитическое влияние. Однако в перспективе ближайших 20–30 лет политическая составляющая этих преимуществ значительно ослабнет. И дело не только, да и не столько в отмечаемой официальными документами опасности истощения российских природных запасов энергоносителей [СНБ 2020, разд. IV], сколько в по-

явлении технологий, которые делают возможным промышленное освоение трудноизвлекаемых запасов нефти и сланцевого газа, широкое производство биотоплива и других «альтернативных» источников энергии. В сочетании с развитием энергосберегающих технологий это неизбежно ослабляет экономические и политические позиции России и других стран – экспортеров традиционных энергоносителей. Индикатор описываемой тенденции – ситуация в США, которые в 2005–2011 гг. сократили свою зависимость от импорта жидкого топлива с 60 до 45%, и к 2035 г. имеют шансы стать нетто-экспортером нефти (превращение США в нетто-экспортера природного газа относится экспертами к 2020 г.) [АЕО, 2013, р. 2–3]⁹.

Предполагаемый в ближайшие десятилетия рост потребления и импорта энергоносителей Китаем в значительной мере облегчит наши финансовые проблемы, однако политического веса российским нефтегазовым ресурсам не только не добавит, но, с большой вероятностью, уменьшит, поскольку усилит нашу экономическую зависимость от «Поднебесной».

Проблемы потенциала мягкой силы

Плохое здоровье населения

В рейтинге Bloomberg, одном из наиболее солидных международных рейтингов здоровья населения, Россия в 2012 г. находилась на 97-м месте из 145 (между Тимором и Ираком), т.е. была расположена ниже наиболее развитых стран (Япония – 5-е, Германия – 10-е, Франция – 13-е, Великобритании – 21-е, США – 33-е места), ниже Кубы (28), Турции (44), Китая (55), Ирана (76), ниже всех стран Восточной Европы, когда-то входивших в СЭВ и Варшавский договор (Чехия – 32, Польша – 40, Словакия – 49, Венгрия – 54, Румыния – 69, Болгария – 73) и ниже девяти из пятнадцати бывших республик СССР (Эстония – 57, Грузия – 71, Армения – 79, Латвия – 79, Литва – 81, Таджикистан – 84, Узбекистан – 85, Азербайджан – 87, Белоруссия – 91). Из бывших союзных республик си-

⁹ По словам Б. Обамы, в 2013 г. США впервые за последние 20 лет произвели больше нефти, чем импортировали, и вышли на первое место в мире по добыче природного газа и по производству энергии из возобновляемых источников [Obama, 2014].

туация хуже, чем в России, была только в Украине (99), Киргизии (101), Туркменистане (104) и Казахстане (111) [Bloomberg, 2012].

Некоторые характеристики состояния здоровья населения проясняют сложившееся положение. По данным Всемирного банка, в 2011 г. ожидаемая продолжительность жизни¹⁰ в России равнялась 69 годам, т.е. была на 10 лет ниже, чем в странах с высоким уровнем душевого дохода (79 лет, в том числе в США – 78 лет, Европейский союз – 80 лет) и на 5 лет ниже, чем в странах со средневысоким уровнем душевого дохода (74 года, в том числе в Китае – 75 лет) [WB LEB]¹¹. Отставание России по ожидаемой продолжительности жизни обусловливается мощным воздействием на здоровье населения целого ряда тяжелых заболеваний. Показатель DALY (Disability Adjusted Life Year), оценивающий совокупное негативное влияние заболеваний на продолжительность жизни и длительность трудоспособного возраста, в России хуже (выше), чем в странах Центральной Европы, в 1,4 раза, в США и Западной Европе – в 1,7 раза, в Китае – в 1,8 раза, в Японии – в 1,9 раза, и в среднем по миру – в 1,3 раза¹².

По отдельным заболеваниям и факторам риска, провоцирующим заболевания, ситуация в стране выглядит следующим образом. Согласно ВОЗ, распространенность *туберкулеза* (2011 г.) в России была в 6,9 раза выше, чем в странах с высокими душевыми доходами, в 1,7 раз выше, чем в среднем по миру. Смертность от этого заболевания в России в 17,7 раза превышала показатель стран с высокими доходами, была на 14% выше, чем в среднем по миру. По распространенности *ВИЧ/СПИДа* (2009 г.) Россия в 3,4 раза опережала страны с высокими доходами и в 1,4 раза мир в целом. Смертность от *сердечно-сосудистых* заболеваний (2008 г.) в России была в 5 раз выше, чем в странах с высокими душевы-

¹⁰ Показатель отражает вероятность наступления смерти по всевозможным причинам с учетом возрастной структуры населения [Вандескрик, 2005, с. 255–256].

¹¹ В классификации Всемирного банка различаются четыре группы стран по величине валового национального дохода/GNI на душу населения (в долл. США): страны с высоким (high), средневысоким (upper middle), средненизким (low middle) и низким (low) уровнем дохода. Пересчет в доллары осуществляется по методу Atlas. См.: [WD AM]. В 2011 и 2012 г. средний доход в high income группе составлял соответственно 37 и 38,2 тыс. долл.; в upper middle группе – 6,2 и 7 тыс.; в lower middle – 1,7 и 1,9 тыс., в low – 0,6 и 0,7 тыс. В России в 2011 г. он был равен 10,8 тыс. долл., а в 2012 г. увеличился до 12,7 тыс. долл. [WB GNI]. В 2012 г. Россия была переведена из группы стран со средневысокими доходами в группу стран с высокими доходами.

¹² Рассчитано по [ИНМЕ, 2010]. Методику расчета показателя DALY см.: [DALY, 2011].

ми доходами, в 2,1 раза – чем в среднем по миру. Соответствующие показатели для смертности от *рака* составили 1,3 и 1,2 раза [WHS, 2012, 2013]. По распространенности потребления *тяжелых наркотиков (опиатов)* Россия во второй половине 2000-х годов занимала третье место в мире, уступая только Афганистану и Азербайджану, и опережая по этому показателю: США – в 2,5 раза, Великобританию – в 1,8 раза, Францию – в 2,9 раза и Китай – в 5,6 раз [WDR, 2012]. Влияние потребления наркотиков на уровень показателя DALY в России в 2–3 раза выше, чем в США, Западной Европе, Японии и Китае¹³. Потребление *алкоголя* на душу населения в середине 2000-х годов составляло в России 16 литров чистого спирта в год, т.е. было в 2,7 раза выше, чем в Китае, и в 1,7 раза выше, чем в США, в 2 раза выше, чем в Японии, и на 15–23% выше, чем во Франции и Германии. По потреблению крепких напитков на душу населения Россия опережает США, западноевропейские страны и Китай в 2,6–3 раза и Японию в 2 раза [GSRAH, 2011, p. 6, 272–277]. Влияние потребления алкоголя на показатель DALY, обусловливаемое, как отмечают специалисты ООН, не столько типом потребляемого алкоголя, сколько характером его потребления (patterns of consumption)¹⁴, в России было выше, чем во всех упомянутых странах, в 5–8 раз¹⁵. В результате в настоящее время в России «каждая пятая смерть среди мужчин и 6% смертей среди женщин обусловлено пагубным потреблением алкоголя» [GSRA, 2011, p. 27].

О неблагоприятной динамике *психического здоровья* российского населения можно судить по росту официально регистрируемых первичных больных, страдающих психическими расстройствами¹⁶. В 1993–2009 гг. число таких больных в России (в расчете на 100 тыс. населения) увеличилось в 1,8 раза – с 21 до 38 человек [Минсоцздрав, 2010, с. 26]. Еще одна характеристика неблагополучия в области психического здоровья населения России – высокий *уровень самоубийств*. По данным ОЭСР, на протяжении последних 30 лет Россия по этому показателю входит в четверку мировых лидеров (более 20 случаев на 100 тыс. населения в год)¹⁷. В 2010 г. число самоубийств в России (22,4 случая на 100 тыс. населе-

¹³ Рассчитано по [ИНМЕ, 2010].

¹⁴ Подробнее см. [GSRA, 2011, p. 15].

¹⁵ Рассчитано по [ИНМЕ, 2010].

¹⁶ Больные с впервые установленным диагнозом психического расстройства, обратившиеся за консультативно-лечебной помощью.

¹⁷ Наряду с Россией в эту группу входят Венгрия, Южная Корея и Япония.

ния) было в 1,9 раза выше, чем в США, в 1,4 раза выше, чем во Франции, в 2,1 раза – чем в Германии, в 3,4 раза – чем в Великобритании, и примерно равнялось числу самоубийств в Японии [OECD Factbook, 2013, р. 236–237]. По самоубийствам среди молодежи разрыв между Россией и этими странами был еще большим. Согласно ВОЗ, в середине 2000-х по уровню самоубийств в возрастной когорте 15–24 года Россия превосходила США в 2,6 раза, Францию и Германию – в 4 раза, Великобританию – в 5 раз и Японию – в 1,7 раза [SP WHO, 2013].

Таблица 2. Некоторые показатели динамики здоровья населения России

	2000	2011
Расходы на здравоохранение (в год на душу населения в долл. США)¹⁾		
Россия	96	807
Страны со средневысокими душевыми доходами	114	418
Страны с высокими душевыми доходами	2233	4607
Ожидаемая продолжительность жизни (в годах)¹⁾		
Россия	65	69
Страны со средневысокими душевыми доходами	71	74
Страны с высокими душевыми доходами	76	79
Туберкулез (распространенность в расчете на 100 тыс. населения)²⁾		
Россия	192	124
Россия / страны со средневысокими душевыми доходами	1,2	1,2
Россия / страны с высокими душевыми доходами	6,9	6,9
ВИЧ/СПИД (распространенность в расчете на 100 тыс. населения)²⁾		
Россия**	163	696*
Россия / страны со средневысокими душевыми доходами	0,2	0,8*
Россия / страны с высокими душевыми доходами	1,0	3,4*
Самоубийства (в расчете на 100 тыс. соответствующей возрастной группы)		
Россия (население в целом) ³⁾	37,8	24,7*
Россия (молодежь: 15–19 лет) ⁴⁾	35,7	31,4*

* 2008 г.

** По данным [Минсоцздрав, 2010, с. 8], число больных с впервые установленным диагнозом ВИЧ-инфекции в РФ в расчете на 100 тыс. населения составляло: в 1999 г. – 13,5, в 2000 г. – 38,4, в 2008 г. – 41,3 и в 2009 г. – 43,9.

Источники: ¹⁾ [WBS Н]; ²⁾ [WHS, 2012, 2013]; ³⁾ [HFA-DB, 2013]; ⁴⁾ [Альбицкий и др., 2010].

В 2000-е годы в России наблюдался резкий рост затрат на здравоохранение. В 2000–2011 гг. суммарные расходы на здравоохранение в рас-

чете на душу населения в России увеличились в 8,4 раза против 3,7 раза в среднем по странам со средневысокими душевыми доходами и 2,1 раза в странах с высокими душевыми доходами. В результате в 2011 году они составили 807 долл., т.е. стали в 1,9 раза выше, чем в странах со средневысокими доходами, и достигли 18% от соответствующих расходов в странах с высокими душевыми доходами (против 4% в 2000 г.) [WBS-H]. Между тем эффективность затрат на здравоохранение оказалась крайне низкой.

Как видно из табл. 2, разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между Россией и другими странами практически не изменился; распространенность туберкулеза хотя и снизилась, но продолжала практически в 1,6 раза опережать показатели богатых стран; распространенность ВИЧ/СПИДа резко увеличилась в абсолютном и относительном выражении, а уровень самоубийств среди молодежи в течение 2000–2008 гг. стал заметно выше среднего по всем возрастным когортам¹⁸. Следует при этом иметь в виду, что тенденция опережения уровня самоубийств среди молодого поколения по сравнению со всем населением России не является специфической чертой первого десятилетия нынешнего века, а наметилась по меньшей мере с 1980 г.¹⁹

Субъективные оценки здоровья россиян очевидно хуже оценок здоровья жителей Западной Европы. Согласно ESS, в 2006–2010 гг. в России на каждого опрошенного, заявлявшего, что состояние его здоровья является «очень плохим» или «плохим», приходилось два респондента, характеризовавших свое здоровье как «хорошее» или «очень хорошее».

¹⁸ Наблюдавшееся в эти годы снижение уровня самоубийств в среднем по всем возрастным группам населения России, возможно, имеет циклический характер. В 1980–2010 гг. долгосрочные составляющие изменений уровня самоубийств в разных странах были различными: снижение в «старых» странах ЕС (с 12 до 9 случаев), стабильность в США (12 случаев), рост в Японии (с 18 до 24 случаев). В нашей стране в рассматриваемый период трендовая компонента этого показателя была очень близкой к ЕС, но в отличие от ЕС сам он испытывал резкие колебания вокруг тренда. Наиболее мощное снижение наблюдалось в 1994–2010 гг.: с 42 до 22 случаев. Данные по ЕС и России см.: [HFA-DB, 2013], по США: [USCDC, 2012], по Японии: [SP WHO, 2013].

¹⁹ В 1980–2001 гг. уровень самоубийств среди молодежи РФ был ниже общероссийского, но устойчиво приближался к нему; в 2001–2003 гг. показатели сравнились; начиная с 2004 г. уровень самоубийств среди молодежи превысил общероссийский уровень, и разрыв между этими показателями стал увеличиваться. См.: [HFA-DB, 2013], [Альбицкий и др., 2010].

В среднем по 14 странам Западной Европы²⁰ соотношение таких ответов было равно 1:10 [ESS].

Низкая эффективность инвестиций в российское здравоохранение в 2000–2011 гг. обусловлена целым рядом обстоятельств. Во-первых, по вполне понятным причинам инвестиции если и улучшают качество медицинского обслуживания, то отнюдь не прямо пропорционально объему и темпам их увеличения. Во-вторых, эффективность инвестиций зависит не только от объема, но и от их структуры (тема, требующая специального исследования). В-третьих, качественно улучшить состояние здоровья нашего населения одними инвестициями в здравоохранение невозможно. Заболевания, по которым Россия в настоящее время занимает лидирующие позиции в мире (туберкулез, сердечно-сосудистые заболевания, алкоголизм, наркомания, психические расстройства, рак), во многом провоцируются распространенностью в обществе негативных эмоций²¹ и патогенных стереотипов поведения²². Это означает, что для решения проблемы требуется не только качественно иной уровень медицинского обслуживания, но и качественные изменения эмоциональной атмосферы общества, ценностных ориентаций и образа жизни населения. А такие изменения, как и любые культурные изменения, являются изменениями поколенного типа, которые если и совершаются, то крайне медленно: становятся глубокими и необратимыми при наличии выраженного тренда изменений, продолжающегося не менее 40 лет (минимальный период активной жизни двух поколений). Кроме того, подобные изменения не происходят сами собой, а требуют огромных инвестиций в социальную сферу²³, к которым наш государственный бюджет пока не-

²⁰ Бельгия, Великобритания, Германия, Голландия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Кипр, Норвегия, Португалия, Финляндия, Швейцария, Швеция.

²¹ Агрессивность, недоверие к окружающему миру, безысходность, страхи, тревожность, подавленность, униженность, беспомощность и пр. Об эмоциональном фоне, благоприятствующем распространению упомянутых заболеваний, см., например: [Малкина-Пых, 2008], [Levinson, 2007], [Philbrick et al., 2012]. О росте агрессивности в российском обществе в 1981–2011 гг. см., исследование Института психологии РАН [Юревич, 2013].

²² Низкая физическая активность, табакокурение, неправильное/некачественное питание и т.д.. Негативное влияние низкой физической активности и табакокурения на показатель DALY в России превышало влияние этих факторов в странах с высокими душевыми доходами в 1,5 раза, а влияние низкокачественного питания – в 2 раза [НМЕ, 2010].

²³ Анализ социальной сферы сегодняшней России не является предметом данной статьи. Однако одну характеристику состояния этой области не могу не привести. По данным Европейского бюро ВОЗ, в 2000–2010 гг. доля городского населения России,

обходимой «склонности» не проявляет и, похоже, не будет на них способен в ближайшие годы.

В завершение разговора о состоянии здоровья населения отмечу, что для его поддержания на уровне, сходном с ведущими странами мира, даже в «идеальных» условиях (структура расходов на здравоохранение оптимальна, коррупция минимальна, негативное влияние культурных факторов находится на уровне стран с высокими душевыми доходами) нужны затраты на здравоохранение, соответствующие затратам в этих странах. Однако при нынешнем соотношении ВВП на душу населения между Россией и данной группой стран это невозможно. Описанный выше рост совокупных расходов на здравоохранение в России в 2000–2011 гг. обеспечил увеличение их доли в ВВП России с 5,4 до 6,2%, что соответствовало уровню и динамике, характерным для стран со средними доходами (рост с 5,6 до 6,1%), но было значительно ниже, чем в странах с высокими доходами (рост с 10 до 12%). Между тем, для того, чтобы по величине душевых затрат на здравоохранение Россия в 2011 г. сравнялась с богатыми странами, доля этих расходов в ВВП России 2011 г. должна была бы равняться 35%, т.е. в 3 раза превышать соответствующий показатель богатых, что невозможно. Если бы (крайне маловероятное предположение) доля расходов на здравоохранение в российском ВВП в 2011 г. удвоилась и стала равной 12%, т.е. сравнялась бы с соответствующим показателем богатых стран, то наши душевые расходы составили бы только 1/3 от величины их душевых расходов в этой сфере. С учетом того, что в обозримой перспективе соотношение ВВП между Россией и богатыми странами вряд ли значительно изменится в лучшую сторону²⁴, ожидать, что наши душевые расходы на здравоохранение смогут сколько-нибудь существенно превысить достигнутый к настоящему моменту уровень (18%), вряд ли стоит. Иными словами, в ближайшие десятилетия состояние здоровья российского населения будет качественно хуже, чем в богатых странах. А это означает невозможность обеспечения одного из ключевых условий соответствия потенциала мягкой силы страны уровню ведущих стран мира.

имеющего современные канализационные системы, снизилась с 77 до 74%, а в странах ЕС возросла с 99 до 100% [HFA-DB, 2013].

²⁴ Причины этого см., в частности: [НЭП, 2013а, 2013б].

Низкое качество политической элиты

Как отмечал еще Г. Моска, политическая элита (или, в его терминологии, «правлящее меньшинство») отличается от массы управляемых тем, что ее представители, как правило, обладают «очень высоко ценимыми и значимыми» в обществе качествами, которые обеспечивают элите «вполне определенное материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство» [Mosca, 1939 p. 53].

Более или менее очевидно, что наличие политической элиты, интеллектуальный и моральный уровень которой значимо превосходит усредненные показатели «по обществу в целом», является одним из ключевых условий нормального развития общества.

Что касается современной России, то здесь заметный разрыв между политической элитой и большинством общества со всей очевидностью просматривается *лишь в сфере материальных ресурсов*.

По *интеллектуальному уровню* различия между элитой и неэлитой крайне малы, а порой и вообще незаметны. Некоторое представление о сложившейся ситуации дают результаты недавнего исследования В. Касамары и А. Сорокиной, в котором с помощью глубинных интервью выявлялись представления депутатов Государственной Думы РФ и московских бездомных о сегодняшней России и о том, «какой будет Россия через 10–15 лет». Исследование обнаружило, что рассматриваемые группы схожи не только по целому ряду базовых содержательных оценок (пафос великодержавности и национальной исключительности; мечта о жестком, но справедливом «отце нации»; ощущение враждебности внешнего окружения; отсутствие интереса к глобальным проблемам/концентрация исключительно на проблемах своей страны и пр.), но и по стилистике высказываний (преобладание мифологем и метафор над рациональными суждениями; эмоциональная полярность высказываний – склонность либо к предельно позитивным, либо к предельно негативным позициям; очень близкий словарный запас). Как пишут авторы исследования, «схожесть речевых оборотов, словаря и эмоциональной окраски высказываний зачастую приводила к тому, что при сопоставлении ответов депутатов и бездомных было невозможно угадать, представителю какой из исследуемых групп принадлежит то или иное высказывание» [Касамара, Сорокина, 2011, с. 183]. Это, разумеется, не означает, что на верхних этажах политической пирамиды страны совсем нет людей, в интеллектуальном отношении положительным образом выделяющихся на общем фоне. Они,

конечно же, есть, и некоторых из них мне повезло знать лично. Не исключено также, что Государственная дума несколько беднее на таких людей, чем другие институты и ветви власти. Дело, однако, не в том, есть они или нет, а в том, что их присутствие не меняет негативных групповых характеристик российской политической элиты: не в состоянии эффективно препятствовать принятию, мягко говоря, странных законов, нарушению избирательного законодательства, коррупции, ограничению свободы СМИ, деградации судебной системы, огрублению политического стиля, ухудшению отношения к России со стороны политиков и населения бывших республик СССР и ведущих западных стран и пр.

Моральный авторитет российской политической элиты в настоящее время довольно низок – во всяком случае, существенно ниже, чем в большинстве ведущих стран мира. Об этом можно, в частности, судить по результатам межстрановых исследований доверия к власти и ее коррумпированности. Рассчитанный по методике Edelman Trust Barometer индекс доверия к институтам государственной власти в России в 2011 и 2013 г. равнялся соответственно 29 и 23 пунктам из 100 возможных и был в 1,7 раза ниже, чем в среднем по всем охваченным исследованием странам [Edelman, 2013]. Согласно ESS, в 2012 г. доля российских респондентов, в той или иной мере доверяющих парламенту, составляла 18% против 32% в среднем по 23 включенным в исследование странам. Соответствующие показатели доверия судебной системе были равны 20 и 44%, а полиции – 19 и 59% [ESS]. По данным Transparency International, в 2013 г. индекс восприятия коррупции в России был равен 28 против 29 в Гватемале и Того, 71 во Франции, 73 в США, 76 в Великобритании и 78 в Германии²⁵. В моем исследовании (середина 2000-х), 72% российских респондентов считали, что «большинство чиновников в России – это воры» [Урнов, 2005, с. 62]. В более развернутом вопросе Левада-центра – «Кто больше всего ворует в России?» – удельный вес ответивших «чиновники» составил 33%, т.е. был в 1,4 раза выше, чем удельный вес заявивших «бизнесмены, олигархи» [Левада, 2006].

²⁵ [CPI, 2013]. Индекс изменяется в интервале от 0 (максимальная коррупция) до 100 (практическое отсутствие коррупции). Такой же, как у России, индекс имели Азербайджан, Коморские острова, Гамбия, Ливан, Мадагаскар, Мали, Никарагуа и Пакистан. Полученные в другом исследовании Transparency International оценки коррумпированности отдельных государственных структур России – парламента, судов, госучреждений, полиции и армии – также были значимо хуже показателей США, Великобритании, Германии, Франции и средних показателей по 107 обследованным странам [GCB, 2013, p. 35–36].

Утверждать в такой ситуации, что сегодняшняя Россия располагает качественной политической элитой, было бы избыточно оптимистично. Говоря о перспективах, надо иметь в виду, что качественное обновление любой элиты, в том числе, разумеется, и политической – процесс крайне сложный и медленный (поколенный). К тому же в России процесс формирования политической элиты отягощен целым рядом негативных обстоятельств. Во-первых, нынешнее российское общество является значительно более ценностно-однородным, чем общества ведущих демократических стран мира и большинства бывших социалистических стран Европы [Урнов и др., 2011, с. 32–33]. Это означает, что Россия, говоря экономическим языком, страдает *большим по сравнению с этими странами «дефицитом предложения» качественных кандидатов в элиту*. А выбирать приходится из имеющегося. Неудивительно поэтому, что люди, пополняющие наше «правлящее меньшинство», зачастую отличаются от «управляемого большинства» не столько более высокой общей культурой, образованием и нравственностью, сколько «испорченностью» доступом к материальным ресурсам. Во-вторых, дефицит предложения усиливается *повышенным спросом на элиту, порождаемым гигантской территорией страны*. В-третьих, в настоящее время основными принципами отбора в политическую элиту являются препятствующие становлению меритократии, но освященные культурной традицией клиентелизм и клановость²⁶. Сказанное, разумеется, не отрицает возможности постепенного улучшения качества нашей политической элиты, но не позволяет надеяться на то, что в обозримой перспективе оно улучшится радикально.

Низкая эффективность экономики

Большинство описанных выше проблем могли бы быть несколько менее острыми, если бы российская экономика была более эффективной и могла бы направлять на смягчение этих проблем большой объем средств. Однако качество нынешней российской экономики оставляет желать лучшего.

Начнем с *производительности труда*. По данным ОЭСР, в 2000–2012 гг. производительность труда в России росла несколько быстрее, чем в ведущих странах мира. Если в 2000 г. ВВП России в расчете на

²⁶ О клановом механизме в формировании российской политической элиты см., например, [Крыштановская, 2005].

один час рабочего времени составлял 22% от уровня США, 23% от уровня Германии, 26% от уровня Великобритании и 32% от уровня Японии, то в 2012 г. соответствующие показатели были равны 28, 32 и 37 и 43%²⁷. *Важно, однако, иметь в виду, что отмеченный рост производительности был вызван не столько позитивными изменениями российской экономики, сколько высокими мировыми ценами на энергоносители*²⁸. *Между тем, как было отмечено выше, конъюнктура этих рынков в долгосрочной перспективе складывается отнюдь не в нашу пользу. Что же касается ключевых характеристик российского хозяйства, напрямую ответственных за производительность труда, то они его скорее тормозят, чем стимулируют.*

Одним из ключевых факторов, тормозящих экономический рост и модернизацию страны, является дефицит квалифицированных кадров. Согласно РСПП, для крупных российских корпораций эта проблема находилась в списке главных по меньшей мере с середины 2000-х годов, а в 2012 г. по частоте упоминаний (44%) вышла на первое место, оставив позади «избыточно высокие налоги» (33%) и «коррупцию в органах власти» (31%) [РСПП, 2013, с. 22]. В опубликованном в 2014 г. опросе PricewaterhouseCoopers, проведенном среди руководителей крупнейших компаний страны, проблема «наличия квалифицированных кадров» также заняла первое место среди «потенциальных экономических и политических угроз перспективам роста Вашей организации», но при почти вдвое большей, чем у РСПП, частоте упоминаний (85%) [PwC, 2014, с. 17]. Среди представителей *малого бизнеса* нехватка квалифицированных кадров также занимает первое место среди проблем, препятствующих росту компаний: в 2011 г. ее упоминали 56, а в 2012 г. – 68% опрошенных предпринимателей [ОПОРА, 2012]. При этом и в крупном, и в малом бизнесе речь идет о квалифицированных кадрах всех профессий – рабочих, инженерах, специалистах с высшим образованием и управленцах низшего, среднего и высшего звена.

По данным НИУ ВШЭ, среди 13 факторов, препятствующих технологическим инновациям в добывающей и обрабатывающей промышленности России, недостаток квалифицированных кадров и высокий экономический риск были единственными факторами, негативное влияние которых в 1993–2011 гг. устойчиво возрастало. В областях деятельности,

²⁷ В постоянных долл. США, по ППП [OECD StatExtracts].

²⁸ О связи между темпами роста российского ВВП и мировыми ценами на нефть см., например: [Казакова и др., 2009].

«связанных с использованием вычислительной техники и информационных технологий», недостаток квалифицированных кадров также вошел в число усиливающихся препятствий технологическим инновациям [ИИД, 2013, с. 51, 52].

Проблема дефицита кадров существует и в российской науке. Речь идет о потерях, связанных с уходом ученых из сферы научных исследований в более доходные виды деятельности, недостаточной притягательностью науки для молодого поколения (опять-таки из-за ее относительно низкой доходности) и с эмиграцией ученых. Оценок двух первых обстоятельств я не обнаружил. Что же касается эмиграции, то здесь, судя по недавно опубликованному исследованию С. Рязанцева и Е. Письменной, дела обстоят следующим образом.

Согласно официальной российской статистике, в 2002–2010 гг. из России уехали 304 тыс. человек с высшим образованием, в том числе 445 кандидатов и 220 докторов наук. Однако сопоставление этих данных со статистикой принимающих стран говорит о том, что отечественные цифры существенно занижены.

По расчетам Минобрнауки, с отъездом одного ученого Россия теряет в среднем 300 тыс. долл. Особенно широко утечка умов происходит из областей науки, обладающих наибольшим инновационным потенциалом.

По оценкам Национального научного фонда США, с момента распада СССР из России выехало около 70–80% математиков и примерно половина физиков-теоретиков – специалистов мирового уровня. Каждая третья разработка корпорации «Майкрософт» приходится на программистов – выходцев из России.

Основные причины эмиграции – низкая оплата труда, плохая материальная и технологическая база исследований.

Эмиграционный потенциал среди ученых и высококвалифицированных специалистов в России очень высок. Желание уехать отсутствует только у 30% ученых.

Такие проекты, как «Сколково», «Роснано» и мегагранты для выдающихся зарубежных ученых российского происхождения, стимулируют не столько возвращение ученых, сколько их отъезд, так как создают ситуацию, при которой «сегодня лучше эмигрировать из России, а потом быть в нее приглашенным из другой страны в качестве выдающегося ученого» [Рязанцев, Письменная, 2013, с. 27, 29, 31, 34].

Низкая эффективность НИОКР. При всей сложности межстрановых сопоставлений эффективности НИОКР некоторые показатели все же могут дать – пусть и грубое – представление о положении дел в этой обла-

сти. Приведу лишь два таких показателя. По данным Всемирного банка, в 2005–2007 гг. количество заявок на получение патентов, поданных резидентами страны, в расчете на 100 исследователей, занятых в сфере НИОКР, составляло: в России – 6, в США – 17 и в Европейском союзе – 20. Стоимость экспорта высокотехнологичной продукции в расчете на один доллар затрат на НИОКР в этот же период равнялась: в России – 0,3 долл., в США – 0,6 долл. и в Европейском союзе – 1,6 долл. Иначе говоря, по обоим показателям Россия отставала от США и Западной Европы в 2–5 раз²⁹. Сокращение этого разрыва в условиях утечки умов и «не совсем молодого» возраста наших научных работников³⁰ – проблема, в лучшем случае, предельно сложная, а в худшем – не имеющая решения.

Изношенность основных фондов. Как утверждает официальный орган Правительства РФ «Российская газета», Россия «находится в десятке стран – мировых «лидеров» по уровню износа основных производственных фондов» [Чичкин, 2011]. На каком именно из десяти мест она находится, сказать, по-видимому, невозможно из-за разброса оценок этого показателя. По данным Росстата, в 1990–2012 гг. уровень износа основных фондов вырос в 1,3 раза и в 2012 г. составил 48% [Росстат ОФ]. Федеральные ведомства нынешний уровень износа оценивают выше (45–65%), исследовательские центры – еще выше (60–65%) [Чичкин, 2011]. Самую высокую оценку дал бывший директор НИИ статистики Росстат В. Симчера – 75% [Симчера, 2013]. Это означает, что при нынешних масштабах и качестве капиталовложений обеспечить массовую модернизацию основных фондов России и доведения их – хотя бы примерно – до уровня технологически передовых стран практически невозможно. Внутренних ресурсов не хватит – необходимо широкомасштабное привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Однако рассчитывать на это не стоит. Привлекательность России для иностранных инвесторов

²⁹ Рассчитано по [WB S&T]. Разумеется, на оба показателя влияет не только качество исследований и разработок, но и их структура – в частности, соотношение открытий, изобретений и высокотехнологической продукции гражданского и военного назначения. Последние далеко не всегда регистрируются в международных патентных бюро или предлагаются на мировом рынке. Однако с точки зрения влияния НИОКР на гражданскую экономику это неважно – изоляция результатов исследований и разработок от гражданской экономики тождественна их низкой гражданской составляющей.

³⁰ В 2000–2011 гг. средний возраст работавших в науке исследователей был равен 48–49 годам, средний возраст кандидатов наук – 52–53 годам. Средний возраст докторов наук за этот период вырос с 59 до 62 лет [ИН, 2013, с. 47]

невысока. По индексу Doing Business Россия в 2005–2010 гг. перешла с 97-го на 124-е место, тогда как наиболее развитые экономики мира (США, Великобритания, Германия, Япония, Франция) не опускались ниже 47-го места (Франция в 2005). На этом фоне доля прямых инвестиций в общем объеме иностранных инвестиций в Россию снизилась с 40% в 2000 г. до 24% в 2005 г. и до 12% в 2010 г. [РосСЕ, 2012, с. 660]. Наблюдавшееся в 2010–2013 гг. улучшение положения России (переход со 124-го на 92-е место) сколько-нибудь положительно на динамике ИПП не сказалось: их удельный вес в общем объеме иностранных инвестиций оставался в эти годы на уровне 10–12% [РосСЕ, 2013, с. 587]. Удельный вес ПИИ в ВВП страны, выросший в 2000–2007 гг. с 1,7% до 2,1%, начал затем устойчиво сокращаться и в 2012 г. стал равен 0,9% [РосСЕ, 2012, с. 660; РосСЕ, 2013, с. 587; WB FDI]. При этом эффективность приходящих в Россию ПИИ в качестве инструмента привлечения новых технологий и ноу-хау крайне низка [Нарышкина, 2013]. Впрочем, даже если бы в настоящее время Россия мгновенно превратилась в страну, суперпритягательную для прямых инвестиций со стороны наиболее «продвинутых» международных корпораций, то и тогда на достижение технологического уровня ведущих стран мира у нас ушло бы очень много времени. Чтобы оценить степень сложности и возможную продолжительность решения этой задачи, имеет смысл вспомнить опыт ГДР. Преодоление технологической отсталости Восточной Германии, с куда меньшей по масштабам и значительно менее отсталой экономикой, начатое в несравнимо более благоприятных культурных и технологических условиях и проходившее при целенаправленной и интенсивной помощи со стороны ФРГ, заняло примерно 15–20 лет. Это означает, что в России – даже в идеальном случае – на достижение успеха, аналогичного восточногерманскому, ушло бы не менее 3–4 десятилетий. Между тем «идеальный случай» для нас исключен. Среди ведущих стран мира у России нет «брата», который считал бы своим моральным долгом сделать ее экономически передовой державой. Так что в пределах ближайшего полувека рассчитывать на то, что российская экономика по производительности труда и уровню технологической оснащенности сможет войти в число мировых лидеров, не следует.

* * *

Список проблем, с которыми сталкивается ресурсный потенциал России, можно было бы продолжить. Но, как мне кажется, и приведенных

выше достаточно для понимания того, что в обозримой перспективе Россия не сможет обеспечить себе положение ни великой, ни даже одной из ведущих держав мира.

Означает ли это глобальную или национальную катастрофу, как утверждают А. Дугин или А. Проханов? Полагаю, что нет. Мировая система, да и сама Россия, относительно легко – во всяком случае, без морей крови, мировых и гражданских войн и иных апокалиптических потрясений, к которым столь склонно человечество в годы хаоса – пережили распад супердержавы, называвшейся СССР. Если перспектива отсутствия России в клубе мировых лидеров и способна негативно повлиять на состояние мировой системы в целом и Российской Федерации в частности, то влияние это будет, мягко говоря, несколько менее заметным, чем исчезновение Советского Союза или происходящее в настоящее время изменение баланса демографических, военных, экономических и культурных потенциалов между Евро-Атлантикой и Южной и Восточной Азией.

Иначе говоря, предлагаемая нашими идеологами великодержавности альтернатива – *величие (лидерство) versus катастрофа (глобальная, региональная или, как минимум, национальная)* – принадлежит миру сугубо виртуальных явлений. Психологическая причина, по которой эта альтернатива удерживается в сознании многих российских политиков, вполне понятна. На протяжении примерно пятисот лет представление о России как о великой державе было одним из ключевых элементов российской национальной идентичности. Так что не только отказ от такого взгляда на себя, но и сомнение в нем оказывается эмоционально крайне болезненным и кажется политически разрушительным. Между тем привычка/культурная традиция воспринимать себя тем или иным образом отнюдь не является гарантией адекватности подобного восприятия. В какой-то мере позволительные для общественного мнения взгляды – «Россия во все времена великая – такая у нее судьба», «Россия всегда была великой державой, ею и останется»; «Россия всегда великая держава, это неизменно» и т.п., – разделяемые примерно 7% россиян [ФОМ, 2008], для политической элиты вряд ли допустимы. Впрочем, у некоторых представителей нашего политического истеблишмента приверженность сформулированному по канонам классической трагедии видению российской исторической перспективы – все или ничего, величие или катастрофа – обусловлена еще и чисто прагматическими соображениями. Несомненный нравственный и эстетический магнетизм рассматри-

ваемой трагической парадигмы создает неплохую основу для лоббистской активности вокруг расходных статей государственного бюджета.

Что же касается реального будущего страны, то в перспективе до середины нынешнего века ее динамика в мировой системе представляется мне движением вниз по описанной в начале статьи «международной» шкале – утрата статуса великой державы с последующим закреплением на одной из следующих позиций:

- региональная держава, сохраняющаяся в нынешних границах и достаточно комфортная для жизни своих граждан (*наилучший вариант*);
- малая по степени влияния в регионе (обычная) страна, существующая в нынешних границах или *de facto* утратившая контроль над относительно небольшой частью территории (*промежуточный вариант*);
- страна с неопределенным статусом (*emerging state*), пережившая/переживающая *de jure* или *de facto* территориальный распад (*наихудший вариант*).

Перспектива *утраты статуса великой державы* обусловлена отнюдь не ситуацией последних 10–20 лет, а устойчивой долгосрочной тенденцией отставания ресурсного потенциала России от ведущих держав мира. Неплохим индикатором осмысления этого процесса может служить наблюдающееся с середины 1950-х годов – а точнее со смерти Сталина – нарастание сдержанности официальных взглядов на содержание ролей и функций СССР/России в качестве великой державы. В предельно сжатой (а потому неизбежно огрубленной) форме динамика этих взглядов может быть описана следующим образом.

Сталинский период. Созданное общество считается образцом для всех народов и всех времен³¹. Страна представляется *самой* сильной в военном отношении державой; делается ставка на *прямое военное столкновение с Западом*³² и *силовое распространение своего влияния во всем мире, прежде всего в Европе.*

³¹ В 1947 г. один из известнейших советских писателей Леонид Леонов писал: «[Это] высшая степень патриотизма, который существует пока в одной нашей стране, но светит далеко за ее пределы. Это патриотизм не только для себя, но и для других <...>, это патриотизм мудрости и старшинства: мы живем здесь, но наша родня раскидана всюду – по горизонталям пространства и вертикалям времени». Цит. по [Скорино, 1979, с. 271].

³² В проекте директивы ЦК ВКП (б) «О текущих задачах пропаганды» (май 1941 г.) говорилось: «Ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу

Хрущевский период. Претензия на то, что советское общество является идеалом на все времена, исчезает. Оно начинает рассматриваться как самое передовое по организации экономики и самое гуманное *среди обществ, существующих в настоящее время.* Говорится о скором построении коммунизма («партия торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»). Страна, по крайней мере в публичных оценках, считается *столь же сильной, как США.* Однако ориентация на прямое военное столкновение с Западом постепенно исчезает и заменяется установкой на конкуренцию с ним в рамках «мирного сосуществования стран с различным общественным строем». Объектом конкурентной борьбы становится не столько Европа, сколько Третий мир. Вместе с тем страна *легко идет на локальные обострения* международной обстановки, чтобы защитить свою сферу влияния (Венгрия, 1956), продемонстрировать свою мощь и «поставить на место» Америку (Карибский кризис).

Брежневский период. Советское общество считается не лучшим экономически, *но самым гуманным.* Идея построения коммунизма в обозримой перспективе заменяется идеей совершенствования «развитого социализма». Преобладает взгляд на себя как на *одну из двух супердержав* биполярного мира. Формируется ориентация на договорное закрепление status quo в Европе (Хельсинки, 1973). Конкуренция с Западом за влияние на Третий мир продолжается. В отличие от хрущевского периода решения по защите своей сферы влияния *принимаются с трудом* (Чехословакия, 1968; Афганистан, 1979).

Горбачевский период. Предполагается, что советское общество в экономическом отношении *может стать не хуже,* а в социальном и моральном аспектах лучше западных, но только после глубоких реформ в экономике и политике («Перестройка»). Господствует взгляд на себя как на *вторую по силе супердержаву.* Ставка на конкуренцию с Западом оттесняется на задний план установкой на сотрудничество с ним (концепция «нового мышления»).

Ельцинский период. Преобладает *надежда* на быстрое построение процветающего общества западного типа и на то, что, несмотря на переживаемые трудности, Россия за *заслуги перед мировой цивилизацией* по разрушению коммунизма будет рассматриваться Западом как великая держава, т.е. сможет быстро и относительно безболезненно интегрироваться в сообщество вели-

наступательных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма. До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое» [АЕ, 1997, с. 199–200].

Из воспоминаний сына А.И. Микояна: «Мой брат Серго рассказывает, что, /... / приняв смерть Сталина как вселенскую трагедию /.../, он спросил отца: “Что же теперь будет, война?” А отец ответил: “Если уж при нем [при Сталине] не случилось войны, то теперь не будет!”» [Микоян, 2006, с. 233].

ких держав Запада в качестве дружественной/союзнической страны, на равных участвующей в решении проблем мирового масштаба.

Путинский период. Надежда на быстрое построение процветающего общества сменяется пониманием крайней сложности и длительности процесса достижения этой цели. В трактовке роли России как ведущей мировой державы (в той мере, в какой эту трактовку можно реконструировать по содержанию КВП РФ 2013) на первое место выходит не влияние в мире, а обеспечение доминирующих позиций России в странах СНГ (т.е. в регионе, непосредственно примыкающем к границам страны) и защита от влияния Запада на внутривнутриполитическую ситуацию. Термин «великая держава» исчезает из официального употребления. Активность на глобальном уровне – усилия по обеспечению России позиции veto player³³ в международной системе (путем сохранения своего положения в СБ ООН, присутствия во всех скольконибудь значимых международных структурах и «равноудаленности» от всех главных акторов мировой политики), а также демонстрируемая временами политическая активность за пределами своего региона (Сирия) – являются вторичными по отношению к региональной и внутривнутриполитической активности и представляют собой либо остаточные проявления великодержавной идеологии, либо результат ситуативного давления тех или иных групп интересов. По сравнению с ельцинским периодом внешнеполитическое поведение и риторика становятся более нервными, агрессивными и грубыми (Грузия, Украина). Это и понятно – *речь идет об обороне «последних рубежей».*

Рассмотрим теперь кратко наилучший и наихудший варианты реальных перспектив России.

Наилучший вариант – региональная держава, сохраняющаяся в нынешних границах и достаточно комфортная для жизни своих граждан. Здесь имеется в виду Россия, ставшая составной частью евро-атлантической («западной») цивилизации, живущая на основе ценностей, которые выработаны этой цивилизацией и которые обеспечивают наиболее благоприятные возможности для реализации человеческого потенциала своих сообществ (правовое государство, индивидуальные свободы, неприкосновенность частной собственности, веротерпимость, равенство возможностей и т.д.). Независимо от того, интегрируется Россия в западную цивилизацию или нет, уровень доходов на душу населения в нашей стране в ближайшие 40–50 лет будет, как и сейчас, заметно ниже среднего по Европе и США, но существенно выше, чем в среднем по миру. Не являясь экономическим лидером евро-атлантического сообщества, Россия, тем не менее, в некоторых аспектах жизни этого сообщества вполне смо-

³³ Термин «veto player» понимается здесь в трактовке [Tsebelis, 2002].

жет играть важную роль: как ядерная держава в качестве одного из ключевых элементов системы коллективной безопасности; как участник крупных программ исследований космоса и мирового океана; как поставщик сырья (значительно более глубокой, чем сейчас, степени переработки); как источник научных и технологических идей (если интеграция в западную цивилизацию позволит замедлить или остановить утечку умов); как пространство для туризма в еще сохранившихся экологически чистых, не уничтоженных промышленностью природных зонах. Кроме того, интеграция с Западом путем открытия доступа инвесторов в ключевые отрасли экономики и на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока ослабит для нас опасность «китайского» и исламского факторов и тем самым повысит шансы сохраниться в нынешних границах.

Наихудший вариант – страна с неопределенным статусом (emerging state), пережившая/переживающая de jure или de facto территориальный распад. В случае, если такой распад произойдет, Дальний Восток и какая-то часть Сибири (прежде всего, Бурятия и Якутия) вероятнее всего окажутся в зоне влияния Китая; мусульманские анклав (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан) подпадут под контроль исламского мира; а оставшиеся, преимущественно европейские, регионы страны либо будут находиться в процессе интеграции с объединенной Европой, либо окажутся в изоляции под контролем коррумпированных, полукриминальных (а возможно, и криминальных) режимов, напоминающих современную Венесуэлу или Южную Осетию. Такой вариант, и в самом деле, является катастрофическим для мировой системы и для России. Одна из наиболее острых угроз для мира, которую он с собой несет, связана с тем, что в течение достаточно длительного периода нестабильности, порожденной процессом распада, находящиеся в стране опасные производства и многочисленные военные объекты могут оказаться легкой добычей международных террористов со всеми вытекающими отсюда интуитивно понятными, но плохо прогнозируемыми последствиями. Для России территориальный распад означал бы окончательный крах базовых основ некогда блестящей культуры, которые умудрились до сих пор сохраниться, несмотря на более чем 70-летие советского режима и проблемы постсоветского периода.

Возможно, что носителям великодержавного пафоса достижение/приближение к наилучшему варианту развития событий покажется целью слишком мелкой и далекой от героизма. С моей точки зрения, достижение такой цели является делом суперсложным и потому вполне достой-

ным называться великим. Начнем с того, что для этого российской политической элите придется отказаться от привычного самолюбования (в сочетании с не менее привычной закомплексованностью), научиться трезво смотреть на себя и действовать исходя из реальных возможностей, не списывая последствия собственных ошибок на происки иностранных спецслужб и козни США. Уже одно это означало бы глубокую и болезненную революцию сознания. Но одной такой революции недостаточно. Помимо нее, необходимо будет всерьез и долго бороться с коррупцией, являющейся сегодня одним из базовых элементов нашей повседневной культуры³⁴, стараясь снизить долю теневой экономики с нынешних 40–46% ВВП хотя бы до 28% (верхнего предела теневой экономики в развитых странах)³⁵. Кроме того, необходимо будет практически с нуля выращивать работающую на основе Закона судебную систему³⁶ и восстановить культуру свободных СМИ. Нужно будет заняться разработкой образовательных программ, помогающих избавиться от глубоко укорененного в массовом сознании авторитарного синдрома (патернализм, социальное иждивенчество, правовой нигилизм, недоверие к коллективным действиям, отсутствие гражданской ответственности и пр.), который является одним из ключевых социально-психологических препятствий какой бы то ни было модернизации³⁷. Необходимо будет справиться

³⁴ Высокий уровень коррупции в России объясняется не только злокозненностью чиновников, но и тем, что для значительной части «простых граждан» коррупция является культурной нормой. В моем исследовании 2004 г. по меньшей мере 1/3 россиян полагала для себя приемлемым «во имя обогащения пойти на воровство и иные нарушения закона» [Урнов, 2005, с. 50]. В опросе ИНДЕМ 2005 г. 55% респондентов заявили, что взятки – необходимая часть жизни, или что с ними «легче делать дела» [ИНДЕМ, 2013, с. 249]. В исследовании ФОМ 2012 г. доля считающих, что «почти каждый человек будет брать взятки, если ему будут их давать», составила 50%; доля терпимо относящихся к дающим взятки равнялась 56%, а к берущим взятки – 33% [ФОМ, 2012].

³⁵ Приведенные оценки масштабов теневой экономики в России и других странах см.: [Montenegro, Schneider, Buehn, 2010, p. 27–29; Kar, Freitas, 2013, p. 22]. Официальные оценки размеров теневой экономики в России значительно ниже – не более 20% ВВП. См., например: [Суринов, 2010, 2011; Силуанов, 2013]. Однако, принимая во внимание, что, по данным бывшего директора НИИ статистики Росстат В. Симчеры, уровень уклонения от уплаты налогов в России составляет в настоящее время 80% [Симчера, 2011], приведенные западные оценки представляются более соответствующими действительности.

³⁶ О сложностях реализации этой задачи см., например: [Волков, Панеях, Поздняков и др., 2012].

³⁷ Более или менее подробно об авторитарном синдроме в российском массовом сознании см.: [Урнов, 2005, 2011]. Характерное для постсоветского авторитарного синдро-

с предельно опасным для многонациональной страны ростом агрессивного национализма и активизацией радикальных националистических группировок (прежде всего, русских и мусульманских)³⁸. Нужно будет преодолеть негативное отношение к центру (Москве) и региональный сепаратизм, нарастающие в элитах и массовом сознании российских регионов, и на этой основе укрепить слабеющую общую национальную идентичность российского населения³⁹. Необходимо будет восстановить подорванное за последнее десятилетие доверие к России в странах «ближнего» и «дальнего» зарубежья и т.п.

Набор этих задач крайне сложен. Но системная работа по их реализации представляется мне единственным средством предотвращения наилучшего варианта развития событий – деградации и распада страны. И потому полагаю, что, несмотря на всю тяжесть выбора между «тьмой горьких истин» реальности и «нас возвышающим обманом» политической мифологии, предпочтение следует отдать «горьким истинам» – пока, может быть, еще не совсем поздно.

* * *

P.S. Данная работа была написана до присоединения Крыма к России в марте 2014 г. Это событие резко обострило политическую ситуацию в стране и мире и, похоже, сделало наилучший сценарий недостижимым – по крайней мере, в ближайшие десятилетия. Крайне прискорбно.

ма противоречивое отношение к свободе зафиксировано у большей части россиян опросом ФОМ 2013 г.: 57% опрошенных заявили, что «всегда» или «часто» чувствуют себя свободными, 89% сказали, что им «нравятся свободные, самостоятельные, независимые люди», но при этом 73% утверждали, что для них «стабильность важнее, чем ощущение свободы» [ФОМ, 2014а].

³⁸ Некоторые данные о росте межнациональной напряженности в России см., например: [Урнов, 2012, с. 84–85]

³⁹ По данным ФОМ, в 2013 г. доля респондентов, считавших себя «в наибольшей степени» жителем России, составила 35%, против 56%, рассматривающих себя «в наибольшей степени» жителями своего города/поселка/села или своей области/края/республики [ФОМ, 2014б]. Наиболее сильно выраженная региональная идентичность отмечается на Урале, в Сибири и «в некоторых регионах Дальнего Востока» [Зубаревич, 2013].

Литература

АЕ (1997) – Археографический ежегодник за 1995 г. РАН, Отделение истории, Археографическая комиссия, Гос. архивная служба РФ. М.: Наука.

Альбицкий В., Иванова А., Ильин А., Терлецкая Р. (2010) Смертность подростков в Российской Федерации. М.: «БЭСТ-принт» http://www.rfdeti.ru/files/1284638775_smertnostq_podrostkov.pdf

Вандескрик К. (2005) Демографический анализ. М.: Академический проект; Гаудеамус.

ВД 2010 – Военная доктрина РФ 2010 http://www.kremlin.ru/ref_notes/461

Вишневский А. Сбережение населения или депопуляция России? М.: ГУ ВШЭ, 2010 <https://www.hse.ru/data/2010/04/07/1218105168/vishnevski.pdf>

Волков В., Панях Э., Поздняков М., Титаев К. (2012) Как обеспечить независимость судей в России. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», июль 2012) СПб.: ИПП ЕУ СПб. http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_1207_judge_independence_web.pdf

Галецкий В. (2003) Демографическая история России за сто лет. <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/00fe7213-0c41-7ee6-44cc-a60c8e2a01fe/1011521A.htm>

Гельбрас В. (2005) Скитайцы // Новая газета 04.07.2005 (№ 47) <http://old.novayagazeta.ru/data/2005/47/29.html>; Украина Китая // Новая газета 11.07.2005 (№ 49) <http://old.novayagazeta.ru/data/2005/49/16.html>

Дугин А. (2001) Россия может быть или великой или никакой // Русская вещь. Очерки национальной философии. М.: Аркогея, 2001. <http://arctogaia.org.ru/article/141>

ЕР 2003 – Манифест партии «Единая Россия» на выборах в ГД РФ 2003 <http://newsland.com/news/detail/id/463345/>

Жириновский В. (2010) Гимн ЛДПР http://ldpr.ru/events/videos/The_new_national_anthem_of_LDPR/ (<http://ldpr.gyazan.ru/partiya/gimn-ldpr/>)

Зубаревич Н. (2013) Чего ждать четырем Россиям // Ведомости. 24.09.2013.

Зюганов Г. (2009) Россия вновь будет великой и социалистической! (Выступление на праздничном вечере в Москве, посвященном 130-й годовщине со дня рождения И. Сталина) http://kprf.ru/rus_soc/74222.html

ИИД (2013) – Индикаторы инновационной деятельности: 2013, стат. сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2013 <http://www.hse.ru/primarydata/ii2013>

Илюхина Е. (2013) Иностраннные инвестиции в российской экономике // Экономическое развитие России. № 10. С. 25–28 <http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/ruser/81Ilyuhina.pdf>

ИН (2013) – Индикаторы науки: 2013: стат. сб-к. М.: НИУ ВШЭ <http://www.hse.ru/primarydata/in2013>

ИНДЕМ (2013) – Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа / под ред. Г. Сатарова. М.: Фонд «Либеральная миссия».

Иноземцев В. (2009) Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сб. статей и материалов. Вып. 1 / под ред. В. Иноземцева. М.: Центр исследований постиндустриального общества. С. 5–82.

ИНСОР (2010) – Россия XXI века: Образ желаемого завтра. Библиотека Института современного развития. М.: Экон-Информ http://rosglobal.polpred.com/upload/pdf/Obraz_gel_zavtra.pdf

ИС РАН (2007) – Молодежь новой России: Образ жизни и ценностные приоритеты: аналитический доклад. ИС РАН (в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ). М., 2007 http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Molodezh.pdf

Казакова М., Синельников-Мурылев С., Кадочников П. (2009) Анализ структурной и конъюнктурной составляющих налоговой нагрузки в российской экономике. М.: ИЭПП http://www.iep.ru/files/text/working_papers/129.pdf

Касамара В., Сорокина А. (2011) Образы России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // ПОЛИС. № 4. С. 171–184.

Касьянов М. (2006) Доклад на съезде НДС 1 июля 2006 г. http://www.kasyanov.ru/index.html?layer_id=100&nav_id=1&id=249&

КВП 2000 – Концепция внешней политики РФ 2000 <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html>

КВП 2008 – Концепция внешней политики РФ 2008 <http://kremlin.ru/acts/785>

КВП 2013 – Концепция внешней политики РФ 2013 http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

КДП 2025 – Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html>

КДСЭР 2020 – Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года <http://government.ru/gov/priorities/26/>

КНБ 1997 – Концепция национальной безопасности РФ 1997 <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.html>

КНБ 2000 – Концепция национальной безопасности РФ 2000 <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sncon00.html>

Кокошин А. (2002) Россия в мире. Россия – сверхдержава, великая или региональная держава? // *Международная жизнь*. 2002. № 9–10. С. 36–66.

Коновалов А. (2004) Выступление // «Человеческий ресурс и конкурентоспособность России в XXI веке». Совместное заседание Клуба «Открытый форум» и Ассоциации менеджеров России. Москва, июнь 2004.

Кортунов С. (2009) Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс <http://www.ino-center.ru/doc/national-identity.pdf>

Крыштановская О. (2005) Анатомия российской элиты. М.: Захаров. http://krotov.info/libr_min/11_k/ri/shtanov_05.htm

Левада (2006) – Опрос «Курьер 2006-4» http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=0&HQ=79863&SQ=1556&HSQ=106&IskSI=

Левинский А. (2014) В каких отраслях работают самые неэффективные российские компании // *Forbs*, 19.01.2014 <http://www.forbes.ru/kompanii/245905-v-kakikh-otraslyakh-rabotayut-samye-neeffectivnye-rossiiskie-kompanii>

Малкина-Пых И. (2008) Психосоматика. М.: Эксмо <http://www.fenzin.org/online/24896/2>.

Медведев Д. (2008a) Выступление на Совете безопасности РФ по вопросу обеспечения экологической безопасности России 30.01.2008 <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/01/158674.shtml>

Медведев Д. (2008b) Послание Президента Федеральному Собранию. 05.11.2008 <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/11/208749.shtml>

Медведев Д. (2010) Послание Президента Федеральному Собранию. 30.11.2010 <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637>

Медведев Д. (2013) Интервью европейским СМИ 21.03.2013 <http://premier.gov.ru/news/item/23432/>

Микоян С.А. (2006) Мы – дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя. М.: Яуза, Эксмо http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan_sa/index.html

Минсоцздрав (2010) – Социально значимые заболевания населения

России в 2009: стат. материалы. М.: Минсоцздрав РФ, 2010 http://www.mednet.ru/images/stories/files/statistika/socialno-znachimie_zabolevaniya/2009/Socialno_znachimie_2010_new.pdf

Миронов В., Канофьев В. (2013) Иностраннные инвестиции: временный оптимизм или стойкое улучшение? // Новый КГБ (Комментарий о Государстве и Бизнесе). № 52. 10–23 августа. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. С. 8–11 http://www.hse.ru/data/2013/08/27/1290502858/KGB_52f.pdf

Нарышкина А. Отток инвестиций – экспансия и бегство капитала // Экспертный сайт «Открытая экономика» – ОРЕС.ru, 08.02.2013 <http://ores.ru/1458207.html>

Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Вишневский. М.: ГУ ВШЭ, 2008 http://demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r06/acrobat/nr2006.pdf

Никольская П. (2014) «Мы никого не заставляем возвращаться» // Коммерсантъ Власть. № 4. 03.02.2014. С. 9–16. <http://www.kommersant.ru/doc/2394915>

НФР (2013) – Манифест движения «Народный Фронт за Россию» <http://onf.ru/structure/documents/manifest/> (<http://www.rg.ru/2013/06/12/manifest-onf-anons.html>)

НЭП (2013a) – Наш экономический прогноз: Ускорение без перестройки. Mission Impossible! – Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, 21 марта 2013 http://www.hse.ru/data/2013/03/22/1295281609/NEP_2012-Q4_present.pdf

НЭП (2013b) – Наш экономический прогноз: Выйти из «Осажденной крепости»!/? – Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, 10 октября 2013 http://www.hse.ru/data/2013/10/11/1281281125/NEP_2013-Q3_present.pdf

ОНБП 2014 – Основные направления бюджетной политики РФ на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=348499-6>

ООППП 2013 – Государственная программа РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» <http://mvd.ru/documents/gosprogram/Gosprogramma>

ОПОРА (2012) – Опрос 6000 предпринимателей из 40 регионов России. <http://opora.ru/news/opora/61230/>

Проханов А. (2008) России нужно расти, иначе сожрут // АиФ. № 44, 29.10.2008.

Прохоров М. (2013) Правила игры // Коммерсант, 18.03.2013.

Путин В. (2005) Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросу о роли России в обеспечении международной энергетической безопасности. 22.12.2005 <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/12/99294.shtml>

Путин В. (2008) Выступление на расширяющемся заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 08.02.2008. <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

Путин В. (2011) Выступление на совещании по улучшению экологической обстановки в РФ. 30.03.2011 <http://ria.ru/danger/20110330/359305287.html#ixzz2VWM5kGmd>

Путин В. (2012a) Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 17.01.2012 <http://www.izvestia.ru/news/511884>

Путин В. (2012b) Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 23.01.2012 http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

Путин В. (2012c) О наших экономических задачах // Ведомости. 30.01.2012 http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah

Путин В. (2012d) Демократия и качество государства // Коммерсант, 06.02.2012 <http://www.kommersant.ru/doc/1866753>

Путин В. (2012e) Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 13.02.2012 <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/>

Путин В. (2012f) Гарантии национальной безопасности для России // Российская газета, 20.02.2012 <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>

Путин В. (2012g) Выступление на расширенном заседании Совета Безопасности. 31.08.2012. <http://news.kremlin.ru/news/16328/print>

Путин В. (2012h) // Ведомости (от редакции «ОПК по Сталину»). 03.09.2012 http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/303091/opk_po_stalinu

Путин В. (2012i) Послание Президента Федеральному Собранию. 12.12.2012. <http://www.kremlin.ru/transcripts/17118>

Путин В. (2013) Выступление на встрече с представителями предпринимательского сообщества в Воронеже. 24.05.2013. <http://grani.ru/Economy/m.214939.html>

Рогов С. (2010) Россия должна стать научной свехдержавой. Невостребованность науки как угроза национальной безопасности. Доклад на заседании Президиума РАН. 16.03.2010. www.iskran.ru/docs/tables.doc

Россия 2010 – Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf

Росстат ДП – Изменение численности населения по вариантам прогноза http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.htm)

Росстат ОФ – Основные фонды Росстат http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#

Росстат 2011 – Репродуктивное здоровье населения России 2011. Итоговый отчет. – Росстат; Минздрав РФ; ЮНФПА; DRH/CDC, Атланта, США; Информационно-издательский центр «Статистика России» – Май 2013 <http://www.slideshare.net/Evlampieva4life/2011-24568132>

РосСЕ (2012) Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. – М.: Росстат. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078

РосСЕ (2013) – Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. М.: Росстат http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078

РСПП (2013) – Российский союз промышленников и предпринимателей. Доклад о состоянии делового климата в России в 2012 году. Москва, Март 2013 <http://www.rspp.ru/library/view/46?s=>

Рязанцев С., Письменная Е. (2013) Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. № 4. С. 24–35 http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_4/Ryazantsev.pdf

Силуанов А. (2013) Интервью для «Эхо Москвы». 20.06.2013 <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/1099412-echo/#element-text>

Симчера В. (2011) Выступление на конференции в Российском государственном торгово-экономическом университете (ноябрь 2011) <http://www.km.ru/v-rossii/2011/11/14/ekonomicheskaya-situatsiya-v-rossii/obnarodovana-shokiryuyushchaya-pravda-ob-isti>

Скорино Л. (1979) Тяжкий труд войны // Новый мир. 1979. № 2.

СНБ РФ 2020 – Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

Степанян Ц.А. (1950) В наш век все дороги ведут к коммунизму // Великая сила идей ленинизма: сб. статей / под ред. Ц.А. Степаняна. М.: Госполитиздат. С. 267–230.

Суринов А. (2010) Деловой завтрак в Российской газете. Статистика знает все // Российская газета. 15.01. 2010 <http://www.rg.ru/printable/2010/01/15/surinov.html>

Суринов А. (2011) Деловой завтрак в Российской газете. Обратный отчет // Российская газета. 31.03. 2011 <http://www.rg.ru/printable/2011/03/31/surinov-site.html>

Тренин Д. (2006) Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». Моск. Центр Карнеги. М.: Европа http://www.eurocollege.ru/filesserver/files/integr-identity_RF-zapad.pdf

Урнов М. (2005) Синдром радикального авторитаризма в российском массовом сознании // Урнов М, Касамара В. Современная Россия: вызовы и ответы. М.: ФАП «Экспертиза». С. 54–65.

Урнов М. (2011) Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность. № 6. С. 5–17 <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251303717/Urnov.pdf>

Урнов М., Соболев А., Соболева И. (2011) Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики – о чем говорят кросс-национальные сопоставления?: препринт WP14/2011/03; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. ВШЭ, 2011 http://www.hse.ru/data/2012/02/29/1265836826/WP14_2011_03_new.pdf

Урнов М. (2012) Что есть справедливость? // Общественные науки и современность. № 5. С. 71–88 <http://publications.hse.ru/articles/68178224>

ФОМ (2008) – Международное положение России и задачи российской внешней политики. Отчет. 28.08.2008 <http://bd.fom.ru/report/map/d083422>

ФОМ (2012) – Опрос «Пента 11/2012» http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3103&T=q

ФОМ (2013) – Образ идеальной семьи 2013 <http://fom.ru/Rabota-idom/11024>

ФОМ (2014a) – Чувство свободы и другие аспекты жизни <http://fom.ru/obshchestvo/11327>

ФОМ (2014b) – Россия и регионы <http://fom.ru/Politika/11300>

Чернявский А. (2012) Правительство: задание на лето. Мониторинг – Новый КГБ № 22 Экспертный сайт Высшей школы экономики <http://ores.ru/1408382.html>

Чичкин А. (2011) Поизносились // Российская газета 05.07.2011 <http://www.rg.ru/2011/07/05/iznos.html>

Чубайс А. (2003) Россия как либеральная империя. – Русский Архипелаг (Сетевой проект «Русского мира») www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/empire/russia/?version=forprint

Шаравин А. (руководитель авторского коллектива) (2003) Оборонные тезисы. М.: Институт политического и военного анализа <http://viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=547569>

Юревич А. (2013) Интервью // Российская газета 10.12. 2013 <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html>

AEO (2013) – Annual Energy Outlook 2013 With Projections to 2040. April 2013. Washington, DC: US Dept. of Energy <http://www.eia.gov/forecasts/aeo/pdf/0383%282013%29.pdf>

The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index <http://www.nzte.govt.nz/en/news-and-media/features/the-anholt-gfk-roper-2012-nation-brands-index-report/>

Bloomberg (2012) – Bloomberg rankings “The World’s Healthiest Countries” http://images.businessweek.com/bloomberg/pdfs/WORLDS_HEALTHIEST_COUNTRIES.pdf

CPI (2013) – Corruption Perception Index 2013. Transparency International http://www.transparency.org/whatwedo/pub/cpi_2013

DALY (2011) – What is Disability Adjusted Life Year (DALY) // Disabled World <http://www.disabled-world.com/definitions/daly.php>

Edelman (2013) – Edelman Trust Barometer <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/trust-2013/trust-around-the-world/>

ESS – European Social Survey <http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/>

GCB (2013) – Global Corruption Barometer 2013. Transparency International <http://www.transparency.org/gcb2013/report>

GSRHAH (2011): Global Status Report on Alcohol and Health 2011. WHO. – Geneva http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msbgsruprofiles.pdf

HFA-DB (2013) – European Health for all Database. WHO Regional Office for Europe 2013 <http://data.euro.who.int/hfad/>

IHME (2010) – Institute for Health Metrics and Evaluation. Global Burden of Disease Cause Patterns <http://www.healthmetricsandevaluation.org/gbd/visualizations/gbd-cause-patterns>

Kar, D., Freitas, S. (2013) Russia: Illicit Financial Flows and the Role of the Underground Economy. Global Financial Integrity Report. Washington

DC: February 2013 http://russia.gfintegrity.org/Russia_Illicit_Financial_Flows_and_the_Role_of_the_Underground_Economy-HighRes.pdf]

Levinson, J. (2007) *Essentials of Psychosomatic Medicine*. Arlington, VA: American Psychiatric Publishing (APP)

McClory, J. (2011) *The New Persuaders II A 2011 Global Ranking of Soft Power*. UK: Institute for Government, 2011 <http://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-ii>

Montenegro, C., Schneider F., Buehn, A. (2010) *Shadow Economies All Over The World*. Policy research Working Paper 5356. The World Bank – July 2010 http://russia.gfintegrity.org/Russia_Illicit_Financial_Flows_and_the_Role_of_the_Underground_Economy-HighRes.pdf]

Morgenthau, H. (1948/1993) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Revised by K.W. Thompson. Brief ed. McGraw-Hill

Mosca, G. (1939) *The Ruling Class*. Translated by H.D. Kahn. NY and London & McGraw Hill <https://archive.org/stream/rulingclass031748mbp#page/n0/mode/2up>

Nye, J. (2008) *Power to Lead: Soft, Hard, and Smart*. Cary, NC, USA: Oxford University Press

Nye, J. (2011) *Power and Foreign Policy // Journal of Political Power*. Vol. 4. No. 1. P. 9–24

Obama B. (2014) *Weekly address*. January 18, 2014 <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/01/17/weekly-address-making-2014-year-action-expand-opportunities-middle-class>

OECD Factbook (2013): *OECD Economic, Environmental and Social Statistics 2013*. http://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-factbook-2013/suicides_factbook-2013-97-en

OECD StatExtracts – Complete database available via OECD’s iLibrary <http://92.242.59.41:2225/Index.aspx?DatasetCode=PDYGTH#>

Organski, A., Kugler, J. (1980) *The War Ledger*. – Chicago: University of Chicago Press.

Philbrick, K., Rundell, J., Netzel, P., Levinson, J. (2012) *Clinical Manual of Psychosomatic Medicine: A Guide to Consultation-Liaison Psychiatry*. 2nd ed. Arlington, VA: American Psychiatric Publishing (APP).

PwC (2014) – PricewaterhouseCoopers. *Рост без ускорения. Российский выпуск 17-го Ежегодного опроса руководителей крупнейших компаний мира*. 2014 http://www.pwc.ru/en_RU/ru/ceo-survey/assets/17th-ceo-survey-russia-rus.pdf

SIPRI (2013) – Trends in World Military Expenditure, 2012. SIPRI Fact Sheet, April 2013 <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1304.pdf>

SP WHO (2013) – Suicide Prevention 2013 WHO. – Geneva: WHO Mental Health Publication – http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/country_reports/en/index.html

Thies, C. (2001) A Social Psychological Approach to Enduring Rivalries // Political Psychology. Vol. 22. No. 4. P. 693–725 <http://92.242.59.41:2072/doi/10.1111/0162-895X.00259/pdf>

Thies, C. (2012) International Socialization Processes vs. Israeli National Role Conceptions: Can Role Theory Integrate IR Theory and Foreign Policy Analysis? // Foreign Policy Analysis. Vol. 8. Issue 1. P. 25–46 <http://92.242.59.41:2072/doi/10.1111/j.1743-8594.2011.00170.x/pdf>

Tsebelis, G. (2002) Veto Players: How Political Institutions Work. Princeton, NJ: Princeton University Press

USCDC (2012) Centers for Disease Control and Prevention, Health, US <http://www.cdc.gov/nchs/hus/contents2012.htm#020>

Volgy et al. (2010) – Baird, R., Grant, K., Corbetta, R., Volgy, T. So Who Belongs in the Club? Major Powers and Status Inconsistency in International Politics. Conference Papers. International Studies Association. 2010 Annual Meeting.

Waltz, K. (1979) Theory of International Politics. Reading (MA), Menlo Park (CA), London, Amsterdam, Don Mills (Ontario), Sydney: Addison-Wesley.

UN WPP – United Nations World Population Prospects http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_population.htm

WB AM – World Bank Atlas Method <http://data.worldbank.org/about/country-classifications/world-bank-atlas-method>

WB FDI – World Bank Foreign Direct Investment, net inflows (BoP, current US\$) <http://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD>.

WB GNI – World Bank GNI per capita, Atlas method (current US\$) <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD/countries?display=default>.

WB LEB – World Bank: Life expectancy at birth <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?page=6>

WB S-H – World Bank Statistics – Health <http://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.PCAP>

WB S&T – World Bank Science & Technology (индикаторы: SP.POP.SCIE.RD.P6; TX.VAL.TECH.CD; IP.TMK.RESD; SP.POP.TOTL) <http://data.worldbank.org/indicator/all>

WDR (2012) – World Drug Report 2012. UN Office on Drug and Crime. N.Y.: UN <http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/WDR-2012.html>

WHS (2012) – World Health Statistics 2012. http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2012/en/

WHS (2013) – World Health Statistics 2013. http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2013/en/

WVS – World Values Survey <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSAanalyze.jsp>

Urnov, Mark. Russia: Virtual and Real Political Prospects [Text] : Working paper WP14/2014/03 / M. Urnov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – 52 p. – (Series WP14 “Political Theory and Political Analysis”). – 50 copies. (In Russian.)

Russian political, analytical and scientific publications depict a future of the country mainly in a framework of the “Great Power paradigm”. This paradigm uses such alternatives as Great Power *versus* Catastrophe (at times, Global), Great Power *versus* failed state, Great Power *versus* something foggy and dim (just as that-what-must-not-be-named), or fixes solely on one position – Great/leading power. The trouble is that it carries out a discussion on Russian future into a realm of irreality. The analysis of Russian resource capabilities shows that over the next decade, the country is likely to lose its Great power status. So the real dilemma of Russian political future is much more prosy and much more tragic than “Great Power versus Global Catastrophe”, it is an option between (at best) a regional power comfortable enough for its citizens and existing in its current borders and (at worst) a degradation and disintegration of the country. Meanwhile it is not so easy to achieve or even to come close to the best position. For this the country has to solve a lot of complicated tasks, including passing through the deep and painful consciousness revolution – that is to reject a mythology of its own greatness and elaborate a rational, critical view at its capabilities. Despite a gravity of choice between “a host of bitter truths” of reality and “an uplifting us illusion” of political mythology, the preference for “bitter truths” seems to be the only way to prevent the worst future scenario.

Key words: Russia, Great Power, capabilities, hard power, soft power

Mark Urnov – professor; chair of political behavior, head; department of politics, academic supervisor, National Research University Higher School of Economics.

Препринт WP14/2014/03

Серия WP14

*Политическая теория
и политический анализ*

Урнов Марк Юрьевич

**Россия: виртуальные и реальные
политические перспективы**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 50 экз. Уч.-изд. л. 3,3
Усл. печ. л. 3,02. Заказ № . Изд. № 1583

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»